

ДИАНА ГЭБЛДОН

Чужестранка

Книга 2
Битва за любовь

История, ставшая
культовым сериалом «Чужестранка»

Чужестранка

Диана Гэблдон

**Чужестранка. Книга
2. Битва за любовь**

«ЭКСМО»

1991

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гэблдон Д.

Чужестранка. Книга 2. Битва за любовь / Д. Гэблдон — «Эксмо»,
1991 — (Чужестранка)

ISBN 978-5-04-115762-3

Сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера – любви, которой не страшны пространство и время, – завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. После тяжелого решения не возвращаться в Шотландию, а начать новую жизнь в Северной Каролине Джейми и Клэр предстоит столкнуться с новыми трудностями. Однако ради своего счастья они готовы идти до конца. Их жизни не раз окажутся на волоске от смерти. Но загадочный гость из будущего, который неожиданно появится на их пути, знает, как спасти Джейми и Клэр.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-115762-3

© Гэблдон Д., 1991

© Эксмо, 1991

Содержание

Часть четвертая. Запах серы	6
Глава 24. Находки и пропажи	6
Глава 25. Нельзя помиловать ведьму	49
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Диана Гэблдон
Чужестранка. Книга 2. Битва за любовь

Diana Gabaldon
OUTLANDER

© Зайцева В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2021

Часть четвертая. Запах серы

Глава 24. Находки и пропажи

Шумиха вокруг нашего неожиданного возвращения и известия о скорой свадьбе утихла очень скоро – и-за куда более важного происшествия.

Через день после приезда мы ужинали в большом зале и слушали здравицы и пожелания, что провозглашали гости. Джейми, поклонившись, поблагодарил последнего оратора и под спонтанные, но все нараставшие аплодисменты уселся на место. Тяжелая скамья пошатнулась; Джейми на миг закрыл глаза.

– Для тебя не слишком? – прошептала я.

Джейми встретил противника с открытым забралом: выпивал после каждого тоста, прикладываясь к каждой чарке за наше здоровье, а я лишь делала вид, чуть отпивала из бокала и радостно улыбалась в ответ на тосты на непонятном мне гэльском языке.

Он открыл глаза и насмешливо на меня посмотрел.

– Полагаешь, я пьян? Вовсе нет, я могу пить весь вечер напролет.

– Ну, ты именно так и поступаешь, – заметила я, окинув взглядом стол перед нами, на котором выстроилась шеренга бутылок из-под вина и каменных кувшинов из-под эля. – Уже совсем поздно.

Свечи, стоявшие на столе перед Колумом, догорели почти полностью, воск, оплывший на подсвечники, отливал золотом; тени перемежались пятнами света на лицах братьев Маккензи, то и дело наклонявшись друг к другу, они о чем-то тихо беседовали. Их лица, казалось, продолжают ряд гномьих портретов, вырезанных в каменной каминной облицовке, и я вообразила, что эти странные изображения передают внешность предыдущих надменных лэрдов Маккензи, – возможно, мастер обладал хорошим чувством юмора... а может, неплохо знал эту семью.

Джейми встал и скорчил недовольную мину:

– Сказать правду, мой мочевого пузыря больше не выдержит. Мигом вернусь.

Он, оттолкнувшись двумя руками от скамьи, быстро перемахнул через нее и покинул зал через нижний выход.

Я обернулась к Гейлис Дункан, которая сидела с другой стороны от меня и понемногу отпивала из серебряной кружки эль. Муж ее, помощник прокурора Артур Дункан, как и подобает, сидел за соседним столом рядом с Колумом, но Гейлис сама потребовала усадить ее подле меня: дескать, ей неохота весь вечер тосковать под мужские разговоры.

На вялом лице Артура под полуприкрытыми глубоко посаженными глазами налились синие мешки – от утомления и выпитого вина. Помощник прокурора тяжело опирался на ладони, не вслушиваясь в слова Маккензи, находившихся возле него. Чеканные черты лэрда и его брата были хорошо различимы в сиянии свечей, но Артур Дункан выглядел в том же свете совершенно большой развалиной.

– У твоего мужа скверный вид, – проговорила я. – Обострился его желудочный недуг?

Бросались в глаза признаки нездоровья, впрочем, на язву не похоже, на рак тоже – для них на костях осталось слишком много мяса. Возможно, действительно, как уверяет Гейлис, хронический гастрит.

Она кинула быстрый взгляд на мужа и сразу повернулась ко мне, пожав плечами:

– Он чувствует себя сносно, – заметила она. – По крайней мере, не хуже. А как твой муж?

– Что ты имеешь в виду? – осмотрительно спросила я.

Гейлис запросто пихнула меня твердым локтем в ребро; я обнаружила, что перед ее местом на столе тоже образовалась знатная шеренга бутылок.

– Ну, каков он? Голый такой же красавец, как и в одежде?

Пока я искала подходящий ответ, Гейлис повернулась к дверям.

– Притворяешься, что тебе нет до него никакого дела? – продолжила она. – До такого сокола? Да половина девушек в замке готова тебе все волосы выдрать, а я бы на твоём месте приступала к еде с опаской.

– К еде?

Я обескураженно уставилась на стоявшее передо мной деревянное блюдо – на нём лишь расплылось жирное пятно и сиротливо лежала вареная луковица.

– Яд! – драматически прошипела Гейлис мне в ухо, дохнув при этом спиртными парами.

– Какая ерунда, – сухо сказала я и отодвинулась от нее. – Никому не захочется травить меня, только потому что я... потому что...

Я запуталась и неожиданно для себя заподозрила, что выпила куда больше, чем мне показалось.

– Право же, Гейлис. Этот брак... Тебе же известно, что я это не предполагала. Я этого не хотела! Это просто... что-то вроде... неизбежного делового соглашения, – сказала я, надеясь, что при свечах незаметно, как я покраснела.

– Ха! – ответила она циничной ухмылкой. – Мне известно, как выглядит женщина, с которой спят по-настоящему.

Она посмотрела на дверь, за которой исчез Джейми.

– И черт меня возьми, если у него на шее комариные укусы. – Она вздернула светлую бровь. – Но раз это деловое соглашение, то я скажу, что ты удачно вложила деньги.

Она снова наклонилась ко мне.

– А это правда? – прошептала она. – Про большие пальцы?

– Большие пальцы? Боже мой, Гейлис, что ты несешь?

Она вздернула свой миниатюрный прямой нос и, сдвинув брови в комичной попытке сосредоточиться, посмотрела на меня. Красивые серые глаза слегка косили, и я испугалась, как бы она не свалилась со скамьи.

– Да ты знаешь! Это все знают! Большие пальцы у мужчины такой же длины, как и член. Большие пальцы на ногах, конечно, тоже, но по ним судить труднее, обычно в обуви не видно, и все прочее. Ах ты, хитрюга!

Она кивнула на дверь, где как раз появился Джейми.

– Такими руками он запросто может удержать самую большую грудь. Или зад, верно? – прибавила она, удостоив меня еще одним тычком в ребра.

– Гейлис Дункан... немедленно заткнись! – грозно проговорила я вполголоса. – Еще кто-нибудь услышит, что ты болтаешь!

– Да ладно, никто... – начала она, но, распахнув глаза, немедленно смолкла.

Джейми миновал наш стол, как будто не видя. Он был бледен, плотно сжал губы, как будто перед каким-то неприятным, но необходимым действием.

– Что это с ним? – спросила Гейлис. – Выглядит, как Артур, наевшийся сырой брюквы.

– Не знаю.

Я отодвинула от стола скамью, но не вставала.

Джейми направился прямо к столу Колума. Нужно ли мне идти следом? Очевидно, что-то произошло.

Осматривавшая зал Гейлис внезапно дернула меня за рукав и ткнула в дверь, откуда появился Джейми.

Прямо в проеме стоял человек, как и я, в замешательстве. Весь в грязи и пыли – значит, с дороги. Вестник. Вероятно, он передал Джейми сообщение, и теперь мой муж, наклонившись, что-то зашептал Колуму.

Нет, не Колуму. Дугалу. Между двух голов с темными волосами склонилась рыжая голова; три лица с красивыми крупными чертами в отблесках догорающих свечей впечатляли удивительным сходством. При этой картине я все лучше понимала, что сходство заключалось не столько в родственных связях, сколько в общем для троих выражении глубокого горя.

Гейлис крепко схватила мою руку своей.

– Дурные вести, – без особого смысла сказала она.

– Двадцать четыре года, – тихо добавила я. – Много для брака.

– Да, много, – подтвердил Джейми. – Дольше, чем я прожил на свете.

Над нашими головами теплый ветер шевелил листья деревьев, сметал волосы с моих с плеч, и те щекотали лицо.

Джейми, длинноногий, изящный, атлетически сложенный, стоял, прислонившись к ограде загона. Отчего-то я все время забывала, что он еще так молод, – он был настолько уверен в себе и умен.

– Впрочем, – продолжил он, выплюнув соломинку на истоптанную грязь загона, – не думаю, что из всего этого времени Дугал провел рядом с ней более трех лет. Тебе же известно, что по большей части он живет здесь, в замке, или объезжает земли клана, выполняя поручения Колума.

Жена Дугала Мора умерла от скоротечной лихорадки в их имении Беаннахе. Дугал на рассвете отправился туда с Недом Гоуэном и вестником, прибывшим накануне вечером с дурными новостями, – требовалось распорядиться насчет похорон и понять, что делать с собственностью Моры.

– Не слишком близкое супружество? – поинтересовалась я.

– Думаю, близкое настолько, насколько это было возможно, – ответил Джейми. – У них были общие дети, она занималась домом и хозяйством. Вряд ли ей так уж не хватало Дугала, но она всегда радовалась, когда он приезжал домой.

– Да, ты же какое-то время жил у них, так что знаешь.

Задумавшись, я замолчала. Вероятно, такое понимание брака для Джейми верно: жить порознь и встречаться лишь ради зачатия детей. Но из его рассказов следовало, что брак его родителей был союзом любящих, близких людей.

Как всегда, выказав невероятное умение читать мои мысли, Джейми проговорил:

– Ты же знаешь, у моих родителей все было иначе. Дугал женился по расчету, как и Колум, их браки основывались на интересах дела и земель, а не на взаимной симпатии. А мои родители женились по любви, вопреки желаниям своих семей, и мы оказались в Лаллиброхе... не то чтобы совсем изгоями в полном смысле слова, но сами по себе. Родители редко навещали родственников, по делам тоже выбирались из имения нечасто; мне кажется, они были привязаны друг к другу сильнее, чем это обычно бывает в браке.

Он положил руку мне на спину и привлек к себе. Наклонив голову, он прижал губы к моему уху и тихо сказал:

– У нас тоже есть соглашение. Но все-таки я хотел бы надеяться... возможно, в один прекрасный день...

Он вдруг отпрянул от меня, криво улыбаясь и сделав неловкий жест.

Не желая поощрять его, я тоже улыбнулась, как могла холодно, и повернулась лицом к загону. Джейми стоял совсем рядом, ухватившись руками за перекладину забора. Я тоже положила ладони за перекладину, чтобы удержаться и не взять его за руку. Больше всего мне хотелось повернуться, успокоить его, прикосновением и словами убедить, что между нами не деловое соглашение, а нечто гораздо большее. Но эта правда меня и остановила.

«То, что между нами», – говорил он. И еще: «Когда я лежу с тобой, когда ты прикасаешься ко мне...» Нет, это не так уж просто. И это не одно лишь увлечение, как мне сперва казалось.

Но ведь я была связана обетом верности и узами законного брака с другим человеком. И любовью тоже.

Я не могла сказать Джейми, что к нему чувствую. Сделать так, а затем исчезнуть представлялось верхом жестокости. Лгать ему я тоже не могла.

– Клэр.

Я чувствовала, я знала, что он повернулся и глядит на меня с высоты своего роста. Я молчала, лишь подняла лицо, когда он нагнулся, чтобы меня поцеловать. В этом я тоже не могла ему лгать – и не солгала. «В конечном итоге, – смутно подумалось мне, – я же обещала ему честность».

Наш поцелуй оказался прерван громким «гх-м-м!», донесшимся из-за изгороди. Джейми удивленно обернулся, инстинктивно загородив меня собой, но сразу заулыбался, узнав старика Алека Макмагона в клетчатых штанах, который уставился на нас своим единственным голубым глазом и саркастически улыбался. Алек воздел в небо ужасные на вид ножницы для кастрации, которые держал в руке, и отдал нам издевательский салют.

– Я собирался с ними к Магомету, – объявил он, – но, может, они и здесь пригодятся.

Конюх щелкнул ножницами:

– Тогда бы ты, паренек, думал о работе, а не о своем петушке.

– Ты так лучше не шути, – заметил Джейми. – Что, меня ждал? Я тебе нужен?

Алек вздернул одну бровь, похожую на мохнатую гусеницу.

– Ни в коем разе, с чего бы это? Я предпочитаю кастрировать чертового двухлетку сам, для собственного удовольствия.

Он расхохотался над собственной шуткой и махнул ножницами на замок.

– Идите-идите, голубушка. Получите его к ужину обратно в целости и сохранности.

Сделав вид, что не доверяет сказанному, Джейми вытянул длинную руку и осторожно отобрал у конюхаа ножницы.

– Мне будет спокойнее, коли они будут у меня, – проговорил он и подмигнул Алеку. – Иди, англичаночка. Как только я сделаю за Алека всю его работу, я приду и тебя найду. – Он нагнулся поцеловать меня в щеку и шепнул: – В конюшне. В полдень.

Конюшни в замке Леох были обустроены гораздо лучше большинства домов в деревне, которую я видела во время нашего с Дугалом путешествия. Каменные полы и стены, в одном конце конюшни – высокие окна, в другом – двери, а между стенами и крытой соломой крышей – узкие щели, оставленные для сов, которые по ночам прилетали ловить мышей в сене. Хватало и воздуха, и света, чтобы конюшня выглядела наполненной приятным сумраком, но не мрачной.

На сеновале, под самой крышей, было еще светлее: лучи солнца желтыми полосами лежали на копнах сена, в каждом столбе света танцевали золотистые пылинки. Сверху, сквозь щели, сюда с расположенного вблизи огорода проникал теплый воздух с ароматами левкоя, турецкой гвоздики и чеснока, а снизу доносился теплый запах лошадей.

Под моей рукой завозился и сел Джейми; его голова в солнечном столбе засверкала, словно свеча.

– Что там такое? – в полудреме спросила я, поворачивая голову вслед за его взглядом.

– Маленький Хэмиш, – негромко ответил он, свесившись с сеновала. – Верно, пришел за своим пони.

Я неловко подползла на животе к нему поближе, из скромности опустив подол юбки, что не имело никакого смысла, поскольку снизу находившемуся в конюшне все равно была бы видна только моя голова.

Сын Колума Хэмиш медленно шел по проходу. Он останавливался то возле одного стойла, то возле другого, но не реагировал на любопытные гнедые и буланые головы, тянув-

шиеся к нему. Хэмиш, очевидно, что-то искал, но это точно был не его гладкий рыжий пони, который смиренно жевал солому в стойле у самых дверей конюшни.

– Господи, помилуй, он же идет к Донасу! – вскричал Джейми, торопливо нашарил килт, обернул вокруг чресел и прыгнул с сеновала вниз.

Он не стал спускаться по лестнице, а просто повис на руках и свалился на пол конюшни. Приземлился удачно, прямо на солому, устилавшую каменный пол, но глухого звука удара хватило, чтобы Хэмиш в испуге обернулся, хватая воздух ртом.

Когда мальчик понял, кто перед ним, с его маленького конопатого лица пропал испуг, но в голубых глазах осталась настороженность.

– Тебе помочь, братец? – приветливо спросил Джейми.

Он оперся спиной о подпорку, так чтобы преградить Хэмишу путь к стойлу, к которому тот держал путь.

Хэмиш, казалось, смутился, но немедленно воспрял и выставил вперед подбородок.

– Я буду ездить на Донасе, – прерывающимся голосом проговорил мальчик со всей возможной решимостью.

Донас (имя означало «дьявол», назвали коня так вовсе не ради лести) стоял в конце конюшни, для безопасности остальных лошадей отделенный свободным стойлом. К этому злобному гнедому жеребцу-великану осмеливались приближаться лишь Алек с Джейми, верхом на него никто не садился. Из темного стойла донеслось страшное ржание, над воротцами возникла огромная рыжая голова, большие желтые зубы щелкнули, безуспешно пытаясь впиться в беспечно выставленное голое плечо.

Джейми даже не шевельнулся: он знал, что жеребец его не достанет. Вскрикнув тонким голосом, Хэмиш отпрыгнул в сторону; он, очевидно, до полусмерти испугался внезапно появившейся перед ним жуткой блестящей головы с вытаращенными глазами, налитыми кровью, и раздутыми ноздрями.

– Это вряд ли, – ласково сказал Джейми.

Наклонившись, он взял за руку своего маленького кузена и отвел подальше от коня, протестующе лягавшего стойло. Когда в стены громко били смертоносные копыта, Хэмиш вздрагивал так же сильно.

Джейми повернул мальчика лицом к себе и уставился на него сверху вниз, уперев руки в обернутые килтом бедра.

– А сейчас, – сурово заговорил он, – поведай, что происходит. Зачем тебе понадобился именно Донас?

Хэмиш упрямо сжал губы, но Джейми, глядевший ободрительно и строго одновременно, чуть подтолкнул его и дождался ответной слабой улыбки.

– Ну, рыжик, говори же, – ласково попросил Джейми. – Тебе известно, что я никому не скажу. Ты сотворил какую-то глупость?

Светлые щеки мальчика чуть порозовели.

– Нет. Но только... нет. Ладно, наверное, какую-то и сотворил.

После порции слов поддержки он все же поведал свою историю – сперва нехотя, а затем бурно, словно на исповеди.

Накануне Хэмиш вместе с другими ребятами отправился кататься на своем пони. Несколько мальчишек постарше затеяли соревнование – чья лошадь возьмет самое высокое препятствие. Хэмиш ревниво ими восхищался, в результате удаля победила рассудительность, и мальчик попытался на своем маленьком толстом пони преодолеть каменную ограду. Пони же, не наделенный требуемыми способностями и не имевший к предложенному занятию абсолютно никакой склонности, остановился перед забором как вкопанный и коварно сбросил с себя Хэмиша через голову за изгородь, прямо в крапиву. Разозлившись на крапиву и на

издевки дружков, Хэмиш решил, что сегодня он покажется на, как он сказал, «настоящей лошади».

– Если я буду верхом на Донасе, они не станут смеяться, – заявил мальчик, уже видевший в уме такую отрядную картину.

– Верно, братец, они не станут смеяться, – согласился Джейми. – У них будет слишком много забот с тем, чтобы собрать то, что от тебя останется.

Он посмотрел на кузена и медленно покачал головой.

– Я так тебе скажу, парень. Чтобы стать хорошим наездником, нужны храбрость и разум. Храбрости у тебя довольно, но разума пока что явно недостаточно.

В знак утешения он обнял Хэмиша за плечи и отправился с ним в другой конец конюшни.

– Идем, дружок! Поможешь мне сгрести сено, а я тебя познакомлю с Кобхаром. Ты прав, тебе нужна лошадь получше, но вовсе не обязательно убиваться, чтобы это доказать.

Проходя мимо сеновала, Джейми поднял брови и беспомощно поднял плечи. Я улыбнулась и махнула рукой: мол, идите, все в порядке. Я увидела, как Джейми взял из корзины с падалицей, стоявшей у двери, яблоко. Прихватив хранившиеся в углу вилы, он повел Хэмиша обратно, к центральным стойлам.

– Вот здесь, братец, – сказал он.

Джейми тихо свистнул сквозь зубы, и наружу высунул голову широколобый гнедой конь и мягко выпустил через ноздри воздух. Его темные глаза были большие и добрые, а чуть торчащие уши придавали морде дружелюбный, хоть и чуть настороженный вид.

– Ну, Кобхар, как поживаешь?

Джейми крепко потрепал рыжую лоснящуюся шею и почесал настороженные уши.

– Подойди, – позвал Джейми мальчика. – Ко мне, сюда. Поближе, чтобы он мог тебя обнюхать. Лошади это любят.

– Я знаю, – заносчиво сказал Хэмиш.

Он еле дотянулся до морды коня, но сумел это сделать и потрепал того по щеке. И не убежал, когда крупная голова склонилась к нему и конь с интересом обнюхал ухо, разметав Хэмишу волосы.

– Дай мне яблоко, – попросил мальчик Джейми и принял у него падалицу.

Конь осторожно подобрал мягкими бархатными губами яблоко с ладони Хэмиша и переместил на большие коренные зубы; раздался громкий хруст – и яблока как не бывало. Джейми с одобрением следил за происходящим.

– Неплохое начало, – заметил он. – Дальше поступай так же, стань ему другом. Я пока дам корм остальным, а затем ты его выведешь его и прокатишься.

– Сам? – нетерпеливо поинтересовался мальчик.

Кобхар (что значило «пена») был довольно смирный и вместе с тем сильный и пылкий мерин четырнадцати ладоней в холке, гнедому пони до него далеко.

– Два круга по загону под моим присмотром, а потом, ежели не упадешь и не будешь дергать удила, сможешь ездить сам. Но пока я не разрешу, не прыгать.

Джейми подхватил вилами сено из кучи, валявшейся в углу конюшни (спина в белой рубашке мелькнула в сумраке), и понес его к стойлу.

Потом распрямился и с улыбкой попросил кузена:

– Можешь и мне принести яблок?

Он прислонил вилы к стойлу и откусил от яблока, поданного мальчиком. Вдвоем с Хэмишем они стояли и жевали, облокотившись о стену конюшни. Затем Джейми отдал огрызок гнедому, сунувшему свой любопытный нос, и вновь принялся за работу. Хэмиш, евший яблоко, медленно пошел следом по проходу.

– Я слышал, мой отец был отличным наездником, – начал мальчик разговор после недолгой паузы. – Прежде чем... ну, прежде чем потерял способность к этому.

Джейми ласково взглянул на брата, но заговорил, только задав корма коню. Он отвечал больше на мысль, чем на слова:

– Я не видел его в седле, парень, но вот что скажу: надеюсь, что мне никогда не потребуются та отвага, что имеется у твоего отца.

Я видела, как любопытный взгляд Хэмиша остановился на спине Джейми, покрытой шрамами, но мальчик промолчал. Он доел второе яблоко и перешел к другой теме.

– Руперт сказал, ты должен был жениться, – начал он.

– Я хотел жениться, – твердо сказал Джейми, отставляя вилы к стене.

– А, ну... ладно, – неуверенно протянул Хэмиш, похоже, ответ его смутил. – Я просто решил, может, тебе неприятно...

– Что именно неприятно?

Джейми, явно понявший, что беседа будет долгой, присел на сноп.

К нему присоединился Хэмиш. Он не доставал ногами до пола, но вместо того, чтобы их подтянуть, мальчишка стал стучать каблуками о туго связанное сено.

– Неприятно быть женатым, – сказал он. – Каждую ночь ложиться с леди в одну постель.

– Да нет, – ответил Джейми. – Это как раз очень приятно.

Однако Хэмиш продолжал сомневаться.

– Мне бы это, наверное, не понравилось. Все известные мне девчонки тощие как палки и пахнут отваром ячменя. А леди Клэр... то есть твоя леди, – поспешил он исправиться во избежание конфликта, – она-то такая, что с ней спать вроде приятнее. Я хочу сказать, она мягкая.

Джейми кивнул.

– Да, это так. И она хорошо пахнет.

Даже в полумраке я видела, как у Джейми дрожит мышца в углу рта, и совершенно точно понимала, что посмотреть в сторону сеновала он не наберется духа.

Повисло долгое молчание.

– А как ты узнал? – спросил Хэмиш.

– Что узнал?

– Что она та леди, на которой тебе следует жениться, – нетерпеливо проговорил мальчишка.

– А! – Джейми откинулся на стену и прислонился к ней спиной, закинув руки за голову. – Понимаешь, как-то раз я спросил об этом отца. И мой отец сказал мне: ты ее сразу узнаешь. А если не узнаешь, значит, это не та девушка.

– М-м-м-ф...

Судя по выражению конопатого личика, такое объяснение Хэмиш счел совершенно не правдоподобным. Подражая Джейми, мальчишка тоже откинулся к стене. Ноги в чулках торчали над сеном. Хэмиш был еще мал, но крепок, было очевидно, что с годами он станет таким же, как его старший кузен. У них были одинаковые широкие ровные плечи и большие головы изыщной лепки.

– А куда ты дел башмаки? – поинтересовался Джейми. – Опять бросил на лугу? Вот мать тебе уши надерет, коли ты их посеешь.

Но в ответ на предостережение Хэмиш лишь пожал плечами. В тот момент его занимали какие-то гораздо более важные вопросы, это было совершенно очевидно.

– Джон... – проговорил он, задумчиво нахмурив светлые брови. – Джон сказал...

– Джон-конюх, Джон-поваренок или Джон Камерон? – перебил Джейми.

– Конюх. – Хэмиш махнул рукой, словно отгоняя от себя что-то лишнее. – Он сказал, как женятся...

– Ну-ну? – подбодрил его деликатно отвернувшийся Джейми.

Он поднял глаза, а я в тот момент как раз высунулась из укрытия. Наши взгляды встретились, я улыбнулась, и Джейми пришлось прикусить губу, чтобы не улыбнуться в ответ.

Хэмиш набрал полную грудь воздуха и застрекотал, словно сорока:

– Он-сказал-надо-обращаться-с-девушкой-как-жеребец-обращается-с-кобылой-а-я-ему-не-поверил-но-это-правда-или-как?

Я изо всех сил укусила палец, чтобы не рассмеяться. Джейми, занявший менее удачную позицию на местности, схватился всеми пальцами за ногу и покраснел не меньше Хэмиша. Кузены напоминали два помидора на деревенской ярмарке, уложенные в ряд на сено.

– Э-э, да... в некотором роде... – придушенно начал Джейми, однако быстро овладел собой и твердо договорил: – Да, это так.

Хэмиш в некотором ужасе посмотрел в ближайшее стойло: орган отдыхавшего там жеребца вылез не меньше чем на фут. После этого мальчик уставился недоверчивым взглядом на свои колени, а я торопливо заткнула себе рот платком, как могла плотно.

– Но, видишь ли, существует небольшая разница, – продолжил Джейми; его лицо уже приобрело обычный цвет, но рот по-прежнему опасно подергивался. – Прежде всего это... нежнее.

– И их не надо кусать за шею? – Лицо у Хэмиша было серьезное и напряженное, как у человека, который сталкивается с важными сведениями. – Чтобы они вели себя смирно?

– Э-э... нет. Во всяком случае, обычно так не делают. Впрочем, имеется еще одно важное отличие, – сказал Джейми, на всякий случай не поднимая глаза. – Можно делать это лицом к лицу, а не сзади. Как леди больше нравится.

– Леди?

Хэмиш по-прежнему сомневался.

– Наверное, лучше делать это сзади. Вряд ли мне понравится, если кто-нибудь будет в это время смотреть на мое лицо. А кстати, – спросил он, – очень трудно не смеяться?

В тот вечер перед отходом ко сну я продолжала думать о Джейми и Хэмише. Я с улыбкой откинула пышное одеяло. От окна шел холод, и мне хотелось побыстрее оказаться в постели рядом с теплым Джейми. Мороз был ему нипочем: внутри него, казалось, горела маленькая печь, кожа всегда была теплая, часто почти горячая, и от моих холодных прикосновений он словно загорался только сильнее.

Я все еще была незнакомкой и чужестранкой, но в замке уже не воспринималась как гостя. Замужние женщины вели себя со мной дружелюбнее, потому что я стала одной из них, но девушки затаили обиду: ведь я прибрала к рукам молодого холостяка, на которого многие строили планы. Осознав масштаб ледяных взглядов и ехидных замечаний относительно моей персоны, я пришла в изумление, как много девиц проторили дорогу в уединенный альков вместе с Джейми Мактавишем, когда он недолго находился в замке.

Правда, больше не Мактавишем. Большинство обитателей замка всегда знали его настоящее имя, а английская ли шпионка или нет, я теперь тоже знала его по необходимости. Джейми официально стал Фрэзером – и я тоже приняла это имя. Ко мне обращались как к миссис Фрэзер в комнате над кухнями, где замужние женщины шили, нянчили детей и обменивались опытом материнства; все они косились на мою талию с откровенным любопытством.

Забеременеть мне до того никак не удавалось, поэтому, соглашаясь на замужество, я не задумывалась об этом, однако теперь, пока не наступила менструация, я несколько беспокоилась. Раньше я бы немало расстроилась из-за этого, но сейчас ощутила большое облегчение. Моя нынешняя жизнь и так была очень нелегкой, только ребенка не хватало! Мне показалось, что Джейми узнал об этом с определенным сожалением, хотя на словах утверждал иное. Вряд ли человек в его ситуации мог позволить себе роскошь отцовства.

Открылась дверь, в комнате появился мой муж, вытиравший голову льняным полотенцем; по его рубашке темными следами стекала вода.

– Где ты был? – спросила я.

По сравнению с деревенскими домами и усадьбами замок Леох казался роскошным жилищем, однако для мытья он был приспособлен не слишком: имелись лишь медная лохань, в которой Колум грел свои больные ноги, и еще одна ванна побольше, предназначенная для нескольких избранных дам. Остальные мылись, если можно так выразиться, фрагментарно, используя кувшины и тазы, или купались в озере. Впрочем, за огородами имелось специальное помещение с каменным полом, где молодые женщины, сняв с себя всю одежду, поливали друг друга из ведра.

– На озере, – ответил Джейми и тщательно развесил над подоконником мокрое полотенце. – Кто-то, – сделав акцент на этом слове, мрачно сказал он, – оставил открытыми стойло и конюшню, а Кобхар решил немножко поплавать в сумерках.

– Так поэтому ты не пришел к ужину! Но лошади, кажется, не любители плавания? – спросила я.

Джейми помотал головой и пятерней расчесал волосы, чтобы поскорее высохли.

– Не любители. Но, видишь ли, они, как и люди, разные. К примеру, Кобхар обожает молодые водоросли. Он спустился к самой воде и стоял и лакомился ими, но тут прибежала свора деревенских псов и загнала его в озеро. Пришлось разгонять их, а затем лезть за Кохбаром в озеро. Ну Хэмиш, пусть только попадет мне в руки, – пригрозил он, – уж он узнает, как оставлять открытые двери.

– Расскажешь об этом Колуму? – поинтересовалась, сочувствуя злоумышленнику.

Джейми отрицательно покачал головой и начал рыться в спорране. Вытащил булку и кусок сыра – явно стянул их на кухне по дороге сюда.

– Нет, – сказал он, – Колум слишком суров с парнишкой. Если он прознает, что Хэмиш проявил такую беспечность, он на целый месяц запретит ему верховые прогулки, да Хэмиш и не сможет сесть в седло после полученной порки. Боже, просто умираю с голоду!

Он яростно впился зубами в булку, рассыпая крошки.

– Только не лезь в постель с хлебом, – приказала я и забралась под одеяло. – А как ты собираешься поступить с Хэмишем?

Он проглотил остаток булки и улыбнулся.

– Не беспокойся. Я отправлюсь с ним на лодке по озеру прямо перед обедом и кину его в воду. Пока он доплывет до берега, пока высохнет – обед и закончится.

Тремя взмахами челюсти он прикончил сыр и беззастенчиво облизал пальцы.

– Пусть попробует лечь спать мокрым и голодным, узнает, до чего это приятно!

Джейми с надеждой заглянул в ящик стола, где я время от времени оставляла яблоко или еще что-нибудь. Но в тот вечер ящик был пуст, и он со вздохом его задвинул.

– Ничего, до завтрака уж дотяну, – сделал он философский вывод.

Затем Джейми быстро разделся и, дрожа всем телом, залез ко мне под одеяло. После купания в холодном озере руки и ноги у него очень замерзли, но тело было приятно теплое.

– М-м-м, как хорошо с тобой обжиматься, – пробурчал он, занимаясь тем, что называл «обжиманием». – Ты сегодня как-то иначе пахнешь, верно, выкапывала растения?

– Да нет, – удивилась я, – мне показалось, что это ты пахнешь.

Действительно, я учуяла какой-то довольно резкий, явно растительный запах, довольно приятный, но незнакомый.

– От меня несет как от рыбы, – сообщил Джейми, понюхав тыльную сторону ладони. – И как от мокрой лошади. Нет, – принялся он, – это и не от тебя. Что-то рядом.

Он вылез из кровати и стал ворошить постель. Источник запаха был обнаружен под моей подушкой.

– Что за черт?.. – Я подняла находку и тут же выронила. – Ой, тут шипы!

Это оказался маленький пучок вырванных с корнем растений, перевязанных черной нитью. Растения завяли, но от свернувшихся листьев шел резкий запах. В пучке имелся и один цветок – измятый шиповник, о колючий стебель которого я уколола большой палец.

Я пососала пораненный палец, осторожно крутя пучок в другой руке. Джейми, замерев, недолго глядел на него, затем вдруг схватил и, подойдя к открытому окну, выкинул прочь. Вернулся к кровати, быстрыми, ловкими движениями смел в ладонь осыпавшуюся с корней землю и выбросил в окно следом. Со стуком затворил окно и отошел от него, отряхивая ладони.

– Выбросил, – без всякой необходимости пояснил он, залезая в постель. – Ложись, англичаночка.

– Что это было? – спросила я, укладываясь рядом с ним.

– Думаю, шутка, – проговорил он. – Дурная, но всего лишь шутка. – Приподнявшись на локте, Джейми задул свечу. – Иди ко мне, mo duinne. Я замерз.

Несмотря на досадный подарок, мой сон, дважды защищенный дверями и руками Джейми, был крепок. Перед пробуждением мне приснился зеленый луг, над которым летало множество бабочек. Желтые, коричневые, белые, они летали вокруг меня, как осенние листья, опускались на голову и плечи, дождем сыпались вниз по телу, крошечные лапки щекотали кожу, нежные крылышки трепетали в такт ударов сердца.

Я медленно выбралась из сна и поняла, что лапки бабочек, щекотавшие мне живот, на самом деле – кончики мягких рыжих волос Джейми, а бабочка, забравшаяся между ног, – его язык.

– М-м-м, – протянула я чуть позже, – для меня это все замечательно, а ты как же?

– Полежи так три четверти минуты, – ответил он, отведя мою руку. – Я предпочел найти для себя дополнительное время. Человек я основательный и предусмотрительный. Могу ли я, миссис, попросить вас нынче вечером составить мне компанию?

– Можете, – сказала я и, закинув руки за голову, дерзко посмотрела на него прищуренными глазами, – если желаете сообщить, что с вашей дряхлостью вас хватает всего на один раз в сутки.

Он бросил на меня острый взгляд со своего края постели и внезапным белым вихрем бросился на меня и крепко втиснул в перину.

– Ну вот, – пробормотал он куда-то в мои спутанные волосы, – не говори потом, что я не предупреждал.

Через три минуты он застонал и открыл глаза. Обеими ладонями сильно растер себе лицо и голову, так что волосы встали дыбом. Затем, пробормотав неразборчивое гэльское проклятие, Джейми неохотно вылез из простыней и принялся одеваться, вздрагивая от холодного утреннего воздуха.

– Может, ты сообщишь Алеку, что болен, и вернешься в постель? – с надеждой спросила я.

Он засмеялся и прежде, чем полез под кровать за своими чулками, наклонился и поцеловал меня.

– Как бы мне этого хотелось, англичаночка! Но подозреваю, что он не сочтет смягчающими обстоятельствами даже оспу, чуму или тяжелое телесное повреждение. Если бы я находился при смерти, но не истекал кровью, Алек тотчас пришел бы и поднял меня со смертного одра.

Он натягивал чулок и подворачивал его верхний край, а я любовалась его прекрасными длинными икрами.

– Тяжелое телесное повреждение, говоришь? Я могла бы устроить что-то похожее, – сурово проговорила я.

Джейми ухнул и полез за вторым чулком.

– Ну что же, только следи получше, куда пускаешь свои волшебные стрелы, англичаночка. – Он попробовал бодро подмигнуть, но, занятый чулком, сумел только скосить на меня глаз. – Не целься слишком высоко, а то вдруг попадешь в такое место, что я перестану быть тебе полезным.

– Не беспокойся. Буду стрелять не выше колена, – ответила я и юркнула под одеяло.

Он хлопнул меня по одной из спрятанных возвышенностей и отправился на конюшню, во все горло распевая «Наверху среди вереска». Припев раздался уже от лестницы. Джейми говорил правду: медведь ему на ухо наступил всей лапой.

Я еще повалялась в сладкой неге и пошла к завтраку. Большинство обитателей замка уже поели и приступили к работе. Те, кого я смогла встретить в зале, приветливо со мной поздоровались – никаких взглядов искоса, никакой скрытой враждебности или интереса к успеху злой шутки я не заметила, но все же внимательно вглядывалась во все лица.

Утро я провела в одиноком труде в огороде, затем в поле с корзинкой и лопаткой, где искала самые востребованные травы. Как правило, деревенские жители обращались за помощью к Гейлис Дункан, но в последнее время пациенты зачастили в мою аптеку. Торговля медикаментами шла бойко. Возможно, болезнь мужа занимала почти все время Гейлис, и ей было недосуг заниматься постоянными клиентами.

После полудня по большей части находилась в своем кабинете. Больных оказалось мало: человек с хронической экземой, потом еще один, с вывихнутым большим пальцем, затем поваренок, который опрокинул себе на ногу горшок с кипящим супом. Наложив на ожог мазь из тысячелистника и синего ириса и вправив вывихнутый палец, я уселась и стала толочь в одной из ступок покойного Битона каменный корень, получивший свое название в полном соответствии со свойствами.

Это было монотонное занятие, хорошо подходившее для медленного дня. Погода стояла ясная, под вязами пролегли сизые тени – я видела их, когда залезала на стол, чтобы дотянуться до окна.

А в аптеке мерцали расставленные по порядку бутылки, на полках лежали аккуратные рулоны бинтов и компрессов. Кабинет был заботливо вымыт и продезинфицирован, запасы сушеных листьев, корней и грибов заботливо разложены по тканевым мешочкам. С большим удовлетворением я вдохнула острые, пряные запахи своего убежища.

Внезапно я отложила пестик и бросила работу. Меня впечатлило, что я действительно была довольна. Несмотря на многочисленные трудности жизни, несмотря на гнетущее ощущение от «дурной шутки», даже несмотря на непроходящую боль, вызванную разлукой с Фрэнком, я не была несчастной. Вовсе нет.

Я почувствовала неловкость, показалась самой себе предателем. Как я могу чувствовать себя счастливой, пока Фрэнк безумно волнуется? Очевидно же, что в покинутой мной эпохе время шло как обычно – как же еще? – следовательно, меня там не было уже примерно четыре месяца. Я представила себе, как Фрэнк разыскивает меня по всей Шотландии, обрывает телефоны полицейских, надеется получить от меня хоть какой-нибудь знак, услышать обо мне хоть что-то. К этому времени, вероятно, он уже почти потерял надежду и ожидает лишь новости об обнаружении моего мертвого тела.

Я опустила ступку на стол и, мучимая горьким раскаянием и муками вины, стала ходить по узкой комнате из конца в конец, постоянно обтирая руки о фартук. Мне следовало торопиться. Мне нужно было совершить больше попыток, чтобы вернуться. Но ведь я их и делала, сказала я себе. Много раз. И что получилось в результате?

Да, что получилось? Меня выдали замуж за горца, находящегося вне закона, за нами обоими гоняется драгунский капитан – жестокий маньяк, мы живем среди диких людей, которые без раздумий убьют Джейми, если решат, что он угрожает их положению в иерархии клана. Но хуже всего то, что что я совершенно счастлива.

Я опустилась на скамью, жалобно оглядывая батарею кувшинов и бутылочек. Вернувшись в Леох, я бездумно проводила дни, осознанно изгнав память о прошлом. В голове таилось знание, что скоро мне придется принять определенное решение, однако я откладывала этот момент со дня на день и с часу на час, прятала сомнения, предпочитая общество Джейми и его объятия.

Внезапно в коридоре раздались грохот и громкие ругательства. Я быстро поднялась на ноги, заторопилась к двери и удачно успела к моменту, когда на меня чуть не свалился Джейми, которого с одной стороны из последних сил поддерживал пригнувшийся под его тяжестью Алек Макмагон, а с другой – безуспешно старавшийся помочь длинный и тощий молодой конюх. Джейми рухнул на мой стул, вытянул вперед левую ногу и устался на нее с мрачной миной, означавшей скорее обиду, чем боль. Встав на колени, я быстро осмотрела травмированную ногу, но ничего ужасного не обнаружила.

– Растяжение связок, – поставила я предварительный диагноз. – Как это случилось?

– Я упал, – коротко ответил он.

– С изгороди? – поддела я.

Джейми разозлился.

– Нет. С Донаса.

– С его спины? – с сомнением уточнила я. – Ну, значит, ты легко отделался растянутой щиколоткой.

Я принялась туго бинтовать ногу.

– Короче, это было довольно недурно, – нелицеприятно сообщил Алек. – Парень, какое-то время ты хорошо на нем удерживался.

– Я знаю, – пробурчал Джейми, скрипевший зубами от боли при перевязке. – Его укусила пчела.

Алек удивленно вскинул лохматые брови.

– А, вот оно что! Этот дьявол стал вести себя так, будто в него выстрелили заговоренной стрелой, – по-свойски сообщил он мне. – Сначала подскочил всеми четырьмя ногами, затем топнул изо всех сил и принялся носиться по всему загону как безумный – прямо как шмель в кувшине. Но наш парень на нем все-таки держался.

Алек мотнул головой на Джейми, а тот в ответ скорчил еще одну страшную рожу.

– Держался до тех пор, пока этот огромный рыжий черт не перемахнул через изгородь.

– Через изгородь? А где он теперь? – спросила я, вставая и отряхивая руки.

– Надеюсь, на полпути в ад, – пробормотал Джейми. Он поставил ногу на пол и попытался на нее опереться. – Хоть бы там и остался, – добавил он и, скривившись, снова сел.

– Думаю, дьяволу немного проку от такого подарка, – заметил Алек. – Тем более если ему нужно, он и сам может превратиться в коня.

– Может, он и превратился в Донаса? – пошутила я.

– Я бы в этом не сомневался, – проговорил Джейми; он по-прежнему мучился от боли, но к нему стало возвращаться его привычное доброе расположение духа. – Но вроде бы дьявол превращается в вороного коня, да?

– Верно, – подтвердил Алек. – В гигантского черного жеребца, который несется столь быстро, сколь мысль от мужчины к девице.

Он приветливо улыбнулся Джейми и собрался уходить.

– В общем, – сказал он и подмигнул мне, – на конюшне я тебя завтра не жду, парень. Валяйся в постели и... э-э... отдыхай.

– Почему? – с любопытством спросила я, провожая взглядом старого ворчуна. – Почему все думают, что мы с тобой только и желаем оказаться вместе в постели?

Опершись на столешницу, Джейми опять попытался наступить на ногу.

– Во-первых, потому что мы женаты меньше месяца, – проговорил он. – А во-вторых... – Он поднял голову и, покачав головой, усмехнулся: – Во-вторых, я же тебе говорил, англичаночка: что у тебя на уме, то и на личике.

– Да ну тебя! – прыснула я.

Все следующее утро, не считая краткого промежутка, посвященного лечению больных, я исполняла прихоти единственного пациента.

– Тебе же положено отдыхать, – в конце концов пристыдила я его.

– Я так и делаю. Во всяком случае, нога отдыхает.

Подняв к потолку длинную голую ногу, Джейми попробовал покрутить ступней, но тут же глухо ойкнул, опустил ногу и стал бережно растирать все еще опухшую лодыжку.

– Так тебе и надо, – сообщила я, выпутывая из простыни собственные ноги. – Давай собирайся. Ты довольно уже бездельничал и нуждаешься в вольном воздухе.

Джейми уселся, и на глаза ему упала рыжая прядь.

– Но ты же говорила, что мне требуется отдых.

– Будешь отдыхать на воздухе. Поднимайся. Я застелю кровать.

Продолжая попрекать меня бессердечием и отсутствием сострадания к тяжело пострадавшему человеку, он оделся, затем долго сидел, пока я заново бинтовала ногу, но наконец верх взяло присущее ему здоровье.

– На дворе мокро, – сообщил он, посмотрев в окно (редкая изморось именно в этот момент вздумала перейти в ливень). – Давай поднимемся на крышу.

– На крышу? Да ладно тебе! Для подвернутой щиколотки лучше не придумаешь – по лестнице карабкаться шесть пролетов. Ей-богу, отличный рецепт!

– Пять. К тому же у меня есть палка.

И Джейми торжественно достал из угла у двери палку – потемневшую от времени толстую ветку боярышника.

– Откуда она у тебя? – поинтересовалась я, разглядывая новый предмет.

Палка длиной около трех футов, похоже, использовалась уже давно. Крепкая древесина затвердела от времени как алмаз.

– Мне ее одолжил Алек. Она нужна при работе с мулами: он колотит их этой палкой промеж глаз, чтобы они обратили на него внимание.

– Довольно сильное средство, – заметила я, изучая отметины на дереве. – Когда-нибудь испробую. На тебе.

В конце концов мы оказались в маленьком укромном закоулке прямо под скатом шиферной крыши. Этот наблюдательный пункт был огорожен снаружи невысоким парапетом.

– Как красиво!

Невзирая на ливень и ветер, с крыши открывался великолепный вид: серебристая поверхность широкого озера, за ней – громады скал, поднявшихся к графитовому небу, словно черные кулаки.

Джейми оперся руками на парапет, чтобы перенести вес с больной ноги.

– Да, это так. Когда я прежде жил в замке, время от времени поднимался сюда.

Он указал куда-то за озеро, покрытое сеткой дождя:

– Видишь проход там, меж двух холмов?

– В горах? Да.

– Это дорога на Лаллиброх. Когда я скучал по дому, я сидел здесь и глядел на эту дорогу. Я воображал, будто лечу, как ворон, над горами и вижу холмы и поля, лежащие с той стороны, и судьбу на краю долины.

Я тронула его руку.

– Хочешь туда вернуться, Джейми?

Обернувшись ко мне, он улыбнулся.

– Я размышлял об этом. Не знаю, действительно ли я этого хочу, но думаю, мы должны вернуться. Не знаю, что мы там найдем, англичаночка. Но... да. Я теперь женат. Ты хозяйка Броч-Туараха. Вне закона я или нет, но мне следует туда вернуться, чтобы все оказалось на своих местах.

Подумав, что я смогу оставить замок Леох и его многочисленные интриги, я испытала смесь облегчения и страха – странное чувство.

– Когда отправимся?

Он с хмурым видом помолчал, постукивая пальцами по темному и гладкому от воды камню парапета.

– Думаю, следует дождаться приезда герцога. Возможно, из расположения к Колуму он возьмется за мое дело. Если не сумеет добиться оправдания, то хотя бы запросить помилования. В таком случае возвращаться в Лаллиброх куда спокойнее, верно ведь?

– Да, но...

Я замолчала, а он быстро посмотрел на меня внимательным взглядом.

– Что, англичаночка?

Я сделала глубокий вдох.

– Джейми... если я кое-что тебе скажу, можешь обещать не допытываться, откуда мне это известно?

Он взял меня за обе руки, глядя сверху вниз на мое лицо. Дождь намочил ему волосы, и маленькие капли стекали по его щекам. Он улыбнулся.

– Я уже говорил, что не буду спрашивать о том, чего ты не пожелаешь мне поведать. Да, обещаю.

– Давай-ка присядем. Не стоит так нагружать больную ногу.

Мы отошли к стене, нашли под скатом крыши удобное сухое место и уселись, опершись спинами о стену.

– Ну ладно, англичаночка. Так что же это?

– Герцог Сандрингем, – выпалила я и прикусила губу. – Джейми, не доверяй ему. Я мало что о нем знаю, но одно знаю точно: с ним что-то неладно. Что-то плохое.

– Ты об этом знаешь? – в полнейшем изумлении сказал он.

Теперь удивилась я.

– Ты хочешь сказать, что его знаешь? Ты с ним встречался?

У меня камень с души свалился. Возможно, таинственная связь между Сандрингемом и делом якобитов не настолько таинственна, как думали Фрэнк и викарий?

– Да. Он приезжал сюда с визитом, когда мне было шестнадцать. Когда я... уехал.

– А почему ты уехал?

Я спросила, потому что неожиданно вспомнила слова Гейлис Дункан, сказанные при нашей с ней первой встрече в лесу, – абсурдный слух, будто Джейми – настоящий отец Хэмиша. Я-то достоверно знала, что это не так, что он не мог им быть, но имелась вероятность, что, кроме меня, никто в замке не знал это наверняка. Если такое подозрение возникало, то вполне могло вызвать покушение Дугала на Джейми – если при битве в Кэрриарике оно действительно случилось.

– Это не из-за... леди Летиции?

– Из-за Летиции?

Он так искренне удивился, что меня отпустило. Я и вправду не считала, что высказанное Гейлис утверждение основано на реальных фактах, но все-таки мало ли...

– А почему ты вдруг вспомнила Летицию? – с интересом спросил Джейми. – Тогда я провел в замке год и, как мне помнится, беседовал с ней единственный раз, когда она позвала меня к себе, чтобы выговорить, что я затеял громкую возню в ее розовом саду.

Я передала сплетню Гейлис, и он от души расхохотался.

– Боже, – простонал Джейми сквозь смех, – да я бы и не посмел!

– Тебе не кажется, что Колум что-то подозревал?

Он решительно покачал головой.

– Нет, англичаночка, не кажется. Возникни у него малейший намек на подозрение, я бы не дожид и до семнадцати, не говоря уже о моих зрелых двадцати трех.

Мои впечатления о Колуме тем самым в целом подтвердились, но мне стало спокойнее. Джейми принял задумчивый вид и уставился куда-то вдаль.

– Если получше поразмыслить, так ведь я не знаю, понимал ли тогда Колум, отчего я так быстро покинул замок. А то, что Гейлис Дункан распространяет всякие слухи – то на то она и Гейлис, англичаночка. Любит мутить воду, сплетничать, ссориться, к тому же деревенские поговаривают, будто она ведьма...

Джейми поднял взгляд на поток, лившийся с крыши.

– Не пора ли нам вниз, англичаночка? Становится совсем сыро.

Спустились мы другой дорогой – обошли крышу до лестницы, которая вела снаружи к огороду, разбитому рядом с кухней. Я хотела набрать немного огуречной травы, если получится под дождем. Устроились у стены замка, где широкий карниз защищал от потоков воды.

– Зачем тебе огуречная трава, англичаночка? – спросил любопытный Джейми, поглядывая из укрытия на разметавшийся в разные стороны виноград и прибитые к земле растения.

– Когда она зеленая, то ни за чем. Сначала ее надо высушить, а потом...

Договорить я не смогла из-за страшного шума за оградой: громкого лая и чьих-то криков. Я бросилась к ограде сквозь ливень, Джейми посмешил следом, но отставал из-за сильной хромоты.

По дороге бежал священник из деревни отец Бейн, взметая ногами фонтаны в лужах, а его преследовала стая оглушительно лаявших собак. Отец запутался в широкой сутане, запнулся и плюхнулся в жидкую грязь, разбрызгав ее во все стороны. Мгновение – и его скрыли под собой рычавшие и щелкавшие зубами псы.

Рядом со мной над изгородью мелькнул плед: Джейми перемахнул на другую сторону и влился в общий хор, крича что-то по-гэльски и маша своей палкой. Крики и проклятия не принесли особого эффекта, однако палка принесла пользу. Всякий раз, когда она опускалась на мохнатую плоть, раздавался душераздирающий визг – и стая медленно отступила, а затем развернулась и со всех лап унеслась обратно в деревню.

Запыхавшийся Джейми откинул упавшую на глаза прядь.

– Форменные волки, – сообщил он. – Я уже рассказывал об этой стае Колуму: Кобхара в озеро пару дней назад они загнали. Пусть бы он приказал их всех поубивать, покуда никого не загрызли.

Он стоял и смотрел за тем, как я, опустившись на колени, осматривала священника, который все еще лежал в луже. Мои волосы превратились в настоящие сосульки, шаль тоже стала промокать.

– Пока им это не удалось, – заметила я. – Пара отметин от зубов, а в остальном он почти цел.

С одного бока на сутане отца Бейна зияла дыра, сквозь которую виднелась отвратительная рана на голой белой ляжке и несколько следов от зубов, из которых начинала сочиться кровь. Священник, от пережитого бледный как полотно, сделал попытку подняться на ноги; похоже было, пострадал он не очень тяжело.

– Отец, если вы проследуете со мной в кабинет, я промою вам раны, – предложила я, стараясь удержаться от улыбки при виде кругленького низкого священника в перекошенной сутане и явленных на всеобщее обозрение спустившихся чулках.

И в благополучное время лицо отца Бейна напоминало стиснутый кулак. Сейчас же это сходство еще больше усилилось из-за красных пятен, покрывших толстые щеки и двойной

подбородок, и глубоких складок вокруг рта. Священник вытаращился на меня с таким выражением, будто я предложила ему сделать при всех нечто неприличное.

Вероятно, именно так он и считал, поскольку раскрыл рот и начал так:

– Мадам, вы что, предлагаете служителю Божьему открыть перед женщиной сокровенные части тела? Я так скажу вам: понятия не имею, что за греховные поступки приняты в кругах, где вы привыкли вращаться, но желаю сообщить вам, что тут такое терпеть и поддерживать не будут – по крайней мере, пока за души прихожан отвечаю я!

После чего отвернулся от меня и потащился прочь, сильно припадая на ногу и напрасно пытаясь удержать полу сутаны.

– Поступайте, как желаете, – прокричала я следом, – однако знайте, что раны непременно нужно промыть, не то они загноятся!

Отец Бейн никак не прореагировал и принялся карабкаться по лестнице, спотыкаясь на каждой ступеньке; в своем черном облачении сгорбленный толстячок был похож на пингвина, намеренного залезть на айсберг.

– Он не большой поклонник женщин, верно? – спросила я Джейми.

– Думаю, так оно и есть, его занятие к этому обязывает, – согласился он. – Пора есть.

После полудня я вновь отослала больного в постель – в этот раз, не обратив внимания на возражения, в одиночку, – и отправилась в свой кабинет. Из-за ливня народ отсиживался дома, вокруг замка мало кто работал – никому не хотелось поранить ногу лемехом или свалиться с крыши.

Я довольно неплохо провела время, заполняя журнал посещений, доставшийся в наследство от Битона. Только я поставила точку, как дверь кабинета загородил посетитель.

Загородил буквально, полностью заполнив собой дверной проем. Напрягая в полумраке зрение, я все-таки смогла узнать в появившейся фигуре Алека Макмагона, который был завернут, как капуста, в куртки, платки и даже порванную попону.

Он двигался так медленно, что я вспомнила, как впервые зашла в этот кабинет с Колумом – и таким образом получила подсказку к загадке.

– Ревматизм? – сочувственно спросила я, когда Алек со сдержанным стоном рухнул на мой единственный стул.

– Да. Сырость пробрала до костей, – ответил он. – Можете что-нибудь сделать?

Он положил на стол крупные кисти с распухшими суставами и выпрямил пальцы. Те разгибались медленно, как ночной цветок, наконец показались мозолистые ладони. Я взяла в руки пораженную болезнью руку и стала бережно вращать ею туда-сюда, выпрямляя пальцы и массируя жесткую ладонь. Изборозженное морщинами лицо старика сперва исказилось, но почти тотчас расправилось, едва унялась первая боль.

– Слово дерево, – заметила я. – Лучшее, что я могу вам сейчас посоветовать, – это хороший глоток виски и полноценный массаж. Не повредит и чай из пижмы.

Алек засмеялся, платки съехали с его плеч.

– Виски, говорите? Я было сомневался в вас, барышня, но теперь вижу, что вы не самый плохой доктор.

Я полезла в дальний угол шкафа с лекарствами и достала темную бутылку без этикетки, в которой хранился мой запас из винокурни Леоха. Поставила на стол перед Алеком бутылку и стаканчик из рога.

– Выпейте, – предложила я. – А затем разденьтесь, как вам позволят приличия, и ложитесь на стол. Я разведу огонь, и станет довольно тепло.

Голубой глаз уставился на меня с явным одобрением, и Алек схватил скрюченными пальцами бутылку за горлышко.

– Вы бы тоже глотнули, барышня, – порекомендовал он, – дело вас ждет нелегкое.

Когда я помогала ему снять всю одежду выше пояса, он постанывал, и в его столах боль мешалась с удовлетворением.

– Жена ставила мне на спину утюг, – начал он, когда я приступила к массажу. – От прострела. Но так даже лучше. У вас сильные руки, барышня, могли бы сделаться славным конюхом.

– Считаю это комплиментом, – холодно ответила я и, налив себе на ладонь специального масла, нанесла его на широкую белую спину. Там, где проходила граница закатанных рукавов рубахи, обветренная оцарапанная кожа предплечий резко переходила в молочно-белую кожу плеч и спины. – Было дело, вы наверняка считались видным парнем. Кожа на спине у вас такая же белая, как у меня.

Спина под руками заколыхалась от смеха.

– Нынче так не скажешь, верно? Да, как-то раз Элен Маккензи увидела меня полуголового, когда я принимал жеребенка, и говорит: милостивый Господь на туловище приделал не ту голову – на плечи, дескать, ушел мешок молочного пудинга, а лицо как у черта из алтаря.

Я поняла, что он говорит об алтарной преграде в церкви, на которой было изображено множество страшных чертей, мучивших грешников.

– Похоже, Элен Маккензи довольно вольно выражала свое мнение, – проговорила я.

Она меня весьма занимала. По рассказам Джейми и кратким упоминаниям, я в целом представляла себе его отца Брайана, но о матери он никогда не заговаривал, и я знала о ней лишь то, что она умерла родами в молодом возрасте.

– Да, язычок у нее был редкой остроты и ума хватало на речи.

Я развязала шнурки внизу клетчатых штанов Алека и закатала штанины – пора было массировать крепкие икры.

– Однако ее речи были такими приятными, что мало кто против них возражал, кроме ее братьев. А Колума и Дугала она и не слушала.

– М-м-м, я кое-что об этом знала. Но ведь сбежала с возлюбленным, правильно? – спросила я, надавив большими пальцами на подколенное сухожилие, отчего Алек произвел звук, который у человека с не таким, как у него, чувством собственного достоинства можно было бы счесть писком.

– Да, – ответил конюх. – Элен была старшей из шестерых отпрысков Маккензи, на пару лет старше Колума, любимица старика Джейкоба. Потому она и замуж так долго не шла. Не хотела выходить ни за Джона Камерона, ни за Малкольма Гранта, ни за кого другого посватавшегося, а отец не выдавал дочь против воли.

Затем Алек поведал, что после смерти отца Колум не пожелал считаться с причудами сестры. Он вел жестокую борьбу за упрочение власти над кланом, искал союза с Мунро на севере и с Грантами на юге. В обоих кланах имелись молодые вожди, и брак с ними был бы полезен в интересах дела. Юная Джокаста всего лишь пятнадцати лет послушно приняла предложение Джона Камерона и отправилась на север, но Элен, которую в ее двадцать два года уже считали старой девой, подчиняться не стала.

– И, судя по тому, как Малкольм Грант вел себя две недели тому назад, предложение было отвергнуто довольно неучтиво, – перебила я.

Старый Алек рассмеялся, а когда я нажала сильнее, смех превратился в довольное кряхтение.

– Да. Уж не ведаю, что точно она ему сказала, но, полагаю, укусила больно. Это, видите ли, было во время большого собрания. Они там встретились, отправились ввечеру в розовый сад – и все в замке гадали, согласится она или нет. Уж стемнело, а народ все гадал. Стемнело еще сильнее, зажгли фонари, запели песни – а об Элен и Малкольме Гранте никаких известий.

– Боже, как же их беседа затянулась!

Я налила между выступающих лопаток Алека еще одну горсть масла, и старик опять закричал от приятного тепла.

– Все так и решили. Однако шло время, и Колум было решил, что Грант увез ее против воли. На это указывало то, что в розовом саду никого не нашли. Но затем Колум послал за мной на конюшню, ну а я и поведал, что люди Гранта вывели своих коней и вся компания ускакала без слов прощания.

Дугал, тогда восемнадцати лет, вскочил на коня и понесся за Грантом, никого не предупредив и не посоветовавшись с Колумом.

– Когда Колум услышал, что Дугал погнался за Грантом, – продолжил старик, – он отправил следом меня и других буйных парней. Колум прекрасно знал нрав брата и совершенно не желал, чтобы будущего зятя убили на дороге, не дождавшись церковного оглашения. Он решил, что Малкольм Грант не уговорил Элен выйти за него по доброй воле и умыкнул, чтобы жениться насильно.

Алек задумчиво помолчал и продолжил:

– Понятно, Дугалу виделось в этом лишь оскорбление. Но мне кажется, Колум, правду сказать, не особенно пекся о возможной обиде. Он преследовал свои цели, а Грант получал Элен в жены без выделения вдовьей части, да еще и оказался бы должен Колуму выкуп.

Алек развязно хмыкнул, заметил:

– Колум не тот человек, чтобы упустить выгоду. Умный он, Колум, и жестокий.

И посмотрел на меня через сгорбленное плечо своим единственным голубым глазом.

– Вам, барышня, стоит об этом всегда помнить.

– Я и не собираюсь об этом забывать, – заверила я.

Я вспомнила, как по приказу Колума Джейми подвергли наказанию, и задумалась о том, сколько в этом решении было желания отомстить за бунт матери племянника.

Однако Колум так и не сумел выдать сестру за лэрда клана Грантов. Ближе к рассвету Дугал нагнал Гранта и его отряд: они встали лагерем невдалеке от дороги, а Малкольм, завернувшись в плед, спал под кустом дрека.

Прискакавшие уже на рассвете парни, среди которых был Алек, обомлели, увидев, как Дугал Маккензи и Малкольм Грант, голые до пояса и со следами ударов на теле, носятся и крутятся под дождем по дороге туда-сюда, поражая друг друга наобум. Люди Гранта сидели вдоль дороги в ряд и, словно совы, крутили головами то направо, то налево, следя за ходом затихавшего поединка.

– Оба пыхтели, как запаленные лошади, от холода их тела парили. Нос Гранта стал вдвое больше обыкновенного, у Дугала заплыл глаз, с обоих капала кровь и засыхала на груди.

При появлении людей Колума спутники Гранта вскочили с земли и схватились за оружие. Встреча вполне могла перейти в кровавое побоище, если бы один из зорких пареньков клана Маккензи не привлек внимание к тому существенному факту, что Элен Маккензи среди Грантов не было.

– Ну а когда Малкольма Гранта облили водой и наконец привели в чувство, тот смог растолковать то, что Дугал не пожелал слушать. Элен провела с ним в розовом саду всего четверть часа. Он не стал передавать, что именно случилось между ними, но, что бы это ни было, Грант так оскорбился, что выразил желание спешно покинуть замок, даже не заглянув на прощание в зал. Он оставил Элен в саду и больше не встречал; он не хотел даже слышать ее имени.

Сообщив это, Грант не вполне уверенно сел в седло и отправился восвояси. И с тех пор не вел никаких дел и не водил дружбы ни с одним из членов клана Маккензи.

Я внимала Алеку в совершенном восхищении.

– А где же все это время была Элен?

Старик вновь рассмеялся – в точности как заскрипела дверь конюшни своими петлями.

– Далеко-далеко за холмами. Но наши про это еще какое-то время не знали. Мы повернулись и поскакали домой, однако Элен так по-прежнему не было, и Колум, белый как полотно, стоял во дворе, опираясь на Энгуса Мора.

Тут начался полный кавардак. Замок был полон гостей, занявших не только все жилые комнаты, но и все хоть как-то пригодные для ночлега углы, все сеновалы, кухни и чуланы. Мы думали, что выяснить, кто из всей этой кучи отсутствует, совершенно невозможно, однако Колум созвал всех слуг, тщательно изучил все списки приглашенных, причем о каждом узнавал, где и когда его видели вчерашним вечером, и в результате одна девица с кухни вспомнила, что прямо перед обедом видела в заднем коридоре какого-то незнакомого мужчину.

Она его запомнила из-за красоты: он был высокий и сильный, говорила она, с блестящими, как у черного тюленя, волосами и с глазами, как у кошки. Пока он шел по коридору, девица им любовалась, поэтому заметила, что у дверей во двор он встретил какую-то женщину в черном с головы до ног и в плаще с капюшоном.

– А кто такой черный тюлень? – спросила я.

Алек опять скосил на меня свой сощуренный глаз.

– У англичан он зовется как-то иначе. Так вот, вскоре после этого происшествия и даже после того, как стала известна правда, в деревне стали поговаривать, что Элен Маккензи затащили в море и она стала жить с тюленями. Знаете сказку о том, что черные тюлени, выбираясь на берег, скидывают шкуру и ходят по земле как люди? Если случится наткнуться на шкуру черного тюленя и вы ее спрячете, то он или она, – пояснил он, – уже не может вернуться в море и вынужден будет остаться с вами на суше. Говорят, жены-тюленихи – весьма недурное приобретение: они прекрасно стряпают и отличные матери. Однако, – рассудительно добавил Алек, – Колум и не подумал поверить в то, что его сестра сбежала с черным тюленем, – прямо так и сказал. Он по очереди вызывал к себе гостей и каждого спрашивал, может ли он по описанию узнать человека. Так поняли, что этого человека кликали Брайаном, но никто не ведал, из какого он клана и какое он носит прозвище. Он участвовал в играх наравне с другими, но все звали его просто Черным Брайаном.

Некоторое время так все и было, потому что никто не понимал, где и что искать. Но даже самым лучшим охотникам иногда приходится заворачивать к крестьянским жилищам, чтобы попросить щепотку соли или кружку молока. И в результате до Леоха добрались известия о сбежавшей паре – ведь Элен Маккензи была девушка заметная.

– Волосы словно огонь, – мечтательно протянул Алек, наслаждавшийся теплом и массажем. – Глаза как у Колума, серые, черные ресницы. От красоты ослепнуть можно, как от молнии. Высокая, выше вас. А лицо такое белое, аж глазам больно. Я потом узнал, что они с Брайаном встретились на собрании, глянули разок друг на друга и сразу поняли, что жить порознь не сумеют. Составили план и улизнули прямо из-под носа Колума Маккензи и трехсот гостей.

Алек снова засмеялся, о чем-то вспомнив.

– Наконец Дугал нашел их: они жили у одного крестьянина на границе земель Фрэзеров. Брайан и Элен подумали, что уладить дела можно только одним способом: скрываться, пока Элен не забеременеет и беременность не станет явно заметна, чтобы никто не сомневался, от кого ребенок. Тогда Колум вынужден будет благословить их брак, нравится ему это или нет, а ему, конечно, не нравилось... Скажите, когда вы путешествовали с Дугалом, не приходилось ли вам видеть на его груди шрам?

Я его видела, тонкую белую линию, шедшую от плеча до ребер, через область сердца.

– Это работа Брайана? – спросила я.

– Нет, Элен, – ответил Алек. – Чтобы не позволить Дугалу, как он хотел, перерезать горло Брайану. На вашем месте в разговоре с Дугалом я бы об этом не вспоминал.

– И не подумаю.

К счастью, план удался: когда Дугал их нашел, Элен была уже на шестом месяце.

– Вокруг этого много накрутили, – рассказал Алек, – одних писем с ругательствами обе стороны написали чертову кучу, но наконец все пришли к соглашению, и за неделю до родов Элен с Брайаном получили во владение дом в Лаллиброхе. Накануне они обвенчались, – добавил он, – и Брайан перенес Элен через порог уже как жену. Потом рассказывал, что, когда взял ее на руки, чуть не надорвался.

– Вы так говорите, будто неплохо их знали, – сказала я, завершив массаж и вытирая полотенцем масляные руки.

– Так я и знал, – в полусне отозвался Алек, совсем разомлевший от тепла.

Единственный глаз закрылся, с лица пропала недовольная мина, из-за которой старик выглядел таким грозным.

– Понятно, Элен я прекрасно знал. С Брайаном познакомился потом, через много лет, когда он привез в Леох сына. Мы с ним сблизились. Он отлично обходился с лошадьми.

Он утих, глаз окончательно закрылся. Я прикрыла простыней распростертое тело и тихонько вышла, оставив старика поспать у очага.

Оставив спящего Алека, я отправилась наверх к себе, где обнаружила Джейми приблизительно в том же виде, что и старика. В дождливый хмурый день было не так уж много домашних дел, которыми можно заняться; будить Джейми я не хотела, дремать вместе с ним тоже – следовательно, у меня оставался выбор между чтением и вязанием. Способности к последнему правильнее всего было определить как «ниже среднего», поэтому я решила взять из библиотеки Колума какую-нибудь книгу.

Из-за особенностей принципов архитектуры, положенных в основу замка Леох, – полного неприятия прямых, – лестница, которая вела в покои Колума, дважды поворачивала направо, причем каждый поворот обозначала небольшая площадка. На верхней площадке обычно дежурил слуга, по первому знаку готовый убежать по какому-нибудь поручению или помочь господину, но в тот день слуга отсутствовал. Сверху слышались чьи-то голоса; может быть, Колум позвал слугу к себе. Я задержалась у дверей, раздумывая прилично ли войти.

– Мне всегда было известно, что ты дурак, Дугал, но я не подозревал, что ты такой идиот.

В речи Колума, с детства находившегося в обществе наставников и не использовавшего слова, присущие его младшему брату в боях и при общении с простолюдинами, как правило, не слышался сильный шотландский акцент, присущий Дугалу. Но сейчас она потеряла налет образованности; оба брата, казалось, говорили одинаково низкими, сердитыми голосами.

– Такое поведение простительно в двадцать, но ведь тебе, слава богу, уже сорок пять лет!

– Ну, ты вряд ли можешь рассуждать об этом со знанием дела, правда? – издевательски отозвался Дугал.

– Именно, – зло проговорил Колум. – Я довольно редко благодарю Господа, но, похоже, он поступил со мной милосерднее, чем мне казалось. Сколько я в жизни слушал, что, когда у мужчины торчит стручок, мозги перестают действовать, и сейчас близок к тому, чтобы поверить в подобное.

С громким скрежетом ножек по каменному полу протащили кресло.

– Если братьям Маккензи, – продолжал Колум, – на двоих выпал один член и одни мозги, то я удовлетворен своей долей имущества!

Мне стало понятно, что третий участник в этом чрезвычайно личном разговоре совершенно не нужен, и я тихо отошла от двери, чтобы идти вниз.

И тут же остановилась, услышав шелест чьих-то юбок на нижней лестничной площадке. В мои планы не входило, чтобы меня застали подслушивающей у двери кабинета Колума. Одну из стен широкой верхней площадки сверху донизу покрывал гобелен. Из-под него будут торчать ноги, но деваться некуда.

Спрятавшись за гобеленом, как крыса, я могла только слышать: сначала кто-то медленно поднимался по лестнице, затем он приблизился к двери и, разобрав, что беседа братьев Маккензи конфиденциальная, отошел к дальнему краю площадки.

– Нет, – куда спокойнее сказал Колум. – Конечно, нет. Эта женщина – ведьма, колдунья, все в таком роде.

– Да, но...

Брат резко прервал Дугала:

– Я же сказал: это мое дело. Не волнуйся, братец, я устрою все так, чтобы с ней все было подобающим образом. – В голосе Колума послышалось некоторое раздражение. – Я тебе так скажу. Я написал герцогу приглашение поохотиться на оленей в наших угодьях над Эрликом. С ним отправлю Джейми. Если герцог сохранил к нему доброе расположение, то, может...

Дугал перебил гэльской фразой, вероятно, не вполне учтивой, поскольку Колум рассмеялся и заметил:

– Нет, думаю, Джейми не маленький и сам может себя защитить. Но если герцог пожелает замолвить за него слово перед его величеством, шансы на помилование немало вырастут. Если не против, я напишу его светлости, что и ты к ним присоединишься. Коли пожелаешь, поможешь Джейми, а я в твоё отсутствие улажу дело.

Снаружи гобелена раздался какой-то глухой звук, и я рискнула выглянуть. На площадке стояла Лаогера, побледневшая, как стена за ней. В руках девушки был поднос, на котором стоял графин; с подноса на покрытый ковром пол свалилась оловянная кружка – звук ее падения я и слышала.

– Что такое? – внезапно громко спросил Колум в кабинете.

Лаогера торопливо поставила поднос на столик возле двери, едва не уронив графин, и быстро убежала.

Послышались шаги Дугала к двери, и я поняла, что спуститься по лестнице незамеченной не получится. Я успела лишь выбраться из укрытия, поднять с ковра кружку и поставить ее на поднос.

– А, это вы? – слегка удивился Дугал. – Миссис Фиц послала вас со снадобьем для Колума? У него болит горло.

– Да, – ответила я. – Она надеется, что ему от этого вскоре полегчает.

– Уверен. – Колум медленно подошел к нам и одарил меня улыбкой. – Передайте миссис Фиц мою благодарность. И благодарю вас, дорогая, что вы так любезно мне его принесли. Не присядете ли на минуту, пока я выпью лекарство?

Подслушанный разговор вытеснил у меня из головы причину моего визита, но тут я вспомнила, что собиралась попросить книгу. Дугал с извинениями откланялся, а мы с Колумом отправились в его библиотеку, где лэрд любезно указал мне на книжные полки.

Лицо Колума сохраняло румянец, видимо, воспоминания о ссоре с братом еще не улеглись, но отвечал лэрд на мои вопросы о книгах почти как всегда спокойно. Обуревавшие его мысли выдавали лишь блеск в глазах и несколько напряженные жесты.

Найдя несколько заинтересовавших меня справочников по травмам, я отложила их и стала листать роман.

Колум занялся клеткой с птицами – очевидно, чтобы успокоиться, по привычке наблюдая за прекрасными мелкими тварями, так заманчиво порхающими среди ветвей, каждая из которых воплощала в себе целый мир.

Неожиданно я отвлеклась на крики снаружи. Из покоев Колума, с высоты, поля за замком виднелись до самого озера. Вокруг озера под проливным дождем с радостными воплями скакали несколько всадников.

Когда лошади оказались ближе, мне стало видно, что это не взрослые, а мальчишки, в основном подростки, но встречались среди них и ребята помладше, верхом на пони, они, как

могли, пытались не отстать от старших. Я поискала среди их Хэмиша и вскоре заметила в самом центре группы копну рыжих волос, сиявших над спиной Кобхара.

Буйная компания неслась прямо к замку, если быть точным, к одной из бесчисленных изгородей, обозначающих границы поля. Раз, два, три, четыре – старшие мальчишки один за другим направили своих коней через каменную стену с легкостью, которая дается долгими упражнениями.

Мне почудилось, что гнедой на миг остановился, но лишь почудилось: Кобхар резво бежал вместе с другими лошадьми, доскакал до ограды, изготовился и прыгнул.

Казалось, все было так же, как и у остальных, но что-то произошло. Возможно, всадник слишком сильно натянул поводья или держался в седле не так крепко, как следовало. Передними копытами, оказавшимися на несколько дюймов ниже необходимого, конь врезался в изгородь и вместе с всадником преодолел препятствие по очень странной и чрезвычайно опасной дуге.

– Ой! – непроизвольно вскрикнула я.

Колум посмотрел в окно прямо в тот миг, когда Кобхар тяжело упал на бок, придавив маленького Хэмиша. Тяжело переваливаясь с ноги на ногу, тем не менее очень быстро, лэрд подошел к окну и, когда Кобхар попытался встать, уже оказался рядом со мной, высунувшись наружу.

В комнату ворвались ветер и дождь, бархатный кафтан Колума вымок. Осторожно высунув голову из-за его плеча, я увидела, что мальчишки сбились в кружок и, толкаясь и пинаясь, пытались помочь. Кажется, прошла вечность, прежде чем они расступились, и мы увидели маленькую, но крепкую фигурку, бредшую прочь, держась за живот. Хэмиш отрицательно мотал головой – видимо, отказываясь от многочисленных предложений о помощи; мальчик подошел к ограде, склонился возле нее, и его сильно вырвало. Затем он съехал спиной по стене в траву и сел, раскинув ноги и задрал голову так, чтобы дождь лил ему на лицо. Когда я увидела, как Хэмиш, высунув язык, ловит капли дождя, то положила руку Колуму на плечо и проговорила:

– С ним ничего не стряслось. Он всего лишь испугался.

Колум закрыл глаза и сделал глубокий выдох и расслабился, обмякнув всем телом. Я сочувственно на него поглядела.

– Вы волнуетесь за него, как за собственное дитя? – спросила я.

Он быстро посмотрел мне в глаза тревожным взглядом. Мгновение, другое в кабинете было очень тихо, слышалось лишь тиканье каминных часов. Затем с носа Колума скатилась капля и остановилась на кончике. Безотчетно протянув руку с носовым платком, я стерла с лица Колума каплю, а вместе с ней и тревогу.

– Да, – ответил он просто.

В результате я поделилась с Джейми лишь планом Колума послать его сопровождать герцога на охоте. Теперь я точно знала, что он благородно относится к Лаогере как к другу, но не представляла себе, что может произойти, проведая Джейми о том, что Дугал соблазнил девушку, к тому же обрюхатил. Не похоже было, чтобы Колум хотел воспользоваться помощью Гейлис Дункан, чтобы избавить Лаогеру от плода. Он выдаст девушку за Дугала или подберет ей другого мужа, пока беременность не стала заметна? В любом случае, раз уж Джейми с Дугалом отправляются на охоту, предпочтительно, чтобы между ними не стояла тень Лаогеры.

– Хм-м, – задумчиво сказал Джейми, выслушав мой рассказ. – Попробовать можно. Если ты с кем-то день напролет охотишься, а вечером пьешь у костра виски, то хочешь не хочешь станешь ему добрым приятелем.

Он застегнул мне крючки на спине платья и коротко поцеловал в плечо.

– Грустно от разлуки с тобой, англичаночка, но так, наверное, лучше.

– Не думай обо мне, – сказала я.

До того момента я не задумывалась, что после его отъезда окажусь в замке одна, и мысль эта причинила мне боль. Но если я хочу ему помочь, требуется владеть собой.

– Ты готов к обеду? – спросила я.

Джейми обнял меня за талию, и я повернулась к нему.

– М-м-м, – произнес он через минуту. – Я готов остаться голодным.

– А я нет, – ответила я. – Тебе всего лишь нужно подождать.

Я оглядела длинный обеденный стол, а затем окинула взглядом зал. Теперь мне была знакома большая часть сидевших там людей, некоторых я узнала хорошо. Что за разношерстная компания, подумала я. Фрэнк пришел бы в восторг от такого многообразия типов.

Вспоминать Фрэнка было равнозначно тому, чтобы беспокоить больной зуб, ведь дата моего побега все время отодвигалась. Однако наступит момент, когда откладывать дальше будет уже невозможно... Я попыталась воссоздать в уме облик Фрэнка: мысленно провела пальцами по длинным, ровным дугам его бровей – однажды я так делала на самом деле. Не важно, что при этом мои пальцы стало покалывать от мыслей о других, густых и лохматых бровях и о темно-голубых глазах под ними.

Пытаясь найти спасение от беспокойных мыслей, я быстро повернулась к соседу по столу. Таким соседом был Мурта. Уж он-то никак не было похож на мужчину, смущающего мое воображение!

Маленький, щуплый, но мускулистый, как гиббон, с непропорционально длинными руками, усиливавшими сходство с обезьяной, Мурта мог похвалиться узким лбом и развитыми челюстями, отчего-то вызвавшими в памяти иллюстрации пещерных людей в какой-то книге Фрэнка. Нет, он вовсе не неандерталец. Пикт, вот кто он. В невысоком Мурте чувствовалась какая-то особенная стойкость, что-то, роднившее его с темными от дождей камнями – вечными стражами на перекрестках и кладбищах, покрытыми надписями, которые считались древними даже в этом времени.

Увлечшись, я присмотрелась к остальным сотрапезникам и стала пытаться определить их этническое происхождение. Скажем, сидевшего у камина человека звали Джон Камерон: типичный норманн, в моем понимании, конечно: выраженные скулы, высокий и широкий лоб, пухлая нижняя губа и смуглая галльская кожа.

Удивительно белокурые саксы... Исключительный пример – Лаогера. Светлокожая, голубоглазая, очень небольшого роста, но не худощавая... На этом мне пришлось прервать свои беспристрастные наблюдения. Лаогера, изо всех сил избегавшая встречаться взглядом со мной и Джейми; приятельски болтала с подругами за одним из нижних столов.

Я повернулась в другую сторону, к соседнему столу, за которым сидел Дугал, в этот раз без Колума. Жестокий викинг, вот кто он! Высокий, с широкими, плоскими скулами... легко вообразить, как он стоит на палубе драккара, а в глубоко посаженных глазах загораются алчность и вожделение, лишь он завидит сквозь туман деревню на скалистом берегу.

Передо мной за ломтиком овсяного хлеба к подносу протянулась большая рука, поросшая на запястье редкими рыжими волосками. Еще один древний скандинав, Джейми. Он вызывал в памяти легенды миссис Бэйрд о племени великанов, некогда пришедших в Шотландию, а затем сложивших свои длинные кости в этой северной земле.

Велся обычный общий разговор, в перерывах между приемом пищи сидящие обменивались репликами о том о сем. Внезапно я услышала знакомое имя, произнесенное за соседним столом. Сандрингем. Сперва я решила, что слышу голос Мурты, и повернулась. Но тот сидел подле Неда Гоуэна и жевал, как заведенный.

– Сандрингем? А, старина Уилли-пидор, – раздумчиво проговорил Нед.

– Как?! – вскинулся один из молодых воинов, поперхнувшись элем.

– Достопочтенный герцог предпочитает мальчиков, вот как, – пояснил Нед. – по крайней мере, я так понимаю.

– М-да, – согласно кивнул Руперт с набитым ртом. Прожевав, он добавил: – Ему тогда весьма приглянулся юный Джейми. В последний раз, когда он сюда приезжал, если я правильно помню. Когда это было, Дугал? В тридцать восьмом или в тридцать девятом?

– В тридцать седьмом, – отозвался Дугал из-за своего стола и, сощурившись, поглядел на племянника. – В шестнадцать лет ты был такой хорошенький, Джейми.

Жевавший Джейми кивнул:

– Да, и бегал быстро.

Когда хохот стих, Дугал стал дразнить Джейми:

– Я и не знал, что ты был фаворитом, Джейми. Некоторые ведь за свою жалкую задницу получили чины и земли.

– Как можно заметить, я не получил ни того ни другого, – усмехнулся Джейми под новый взрыв смеха.

– Ты что, ни разу не подпустил его к себе? – громко чавкая, спросил Руперт.

– Сказать по правде, случилось подпустить его ближе, чем мне хотелось бы.

– А как близко тебе хотелось, парень? – выкрикнул сидевший за Рупертом высокий мужчина с каштановой бородой, мне незнакомый.

Его реплика была встречена смехом и весьма вольными замечаниями. Джейми все это ничуть не беспокоило, он с улыбкой потянулся за следующим куском хлеба.

– Так ты поэтому сбежал из замка и вернулся к отцу? – задал Руперт новый вопрос.

– Да.

– Джейми, дружище, тебе стоило рассказать мне об этом, – с притворным участием произнес Дугал.

Сначала Джейми отреагировал особым шотландским гортанным звуком, а потом сказал:

– Если бы я рассказал это тебе, старый мошенник, как-нибудь ввечеру, ты бы добавил мне в эль макового настоя и уложил в постель к его светлости в качестве маленького подарка.

За столом взревели, а Джейми увернулся от луковицы, запущенной в него Дугалом.

Руперт повернулся к Джейми через стол:

– Сдается мне, парень, как раз незадолго до твоего отбытия я видал, как ты вечером входил в комнату герцога. Ты точно нам все рассказал?

Джейми схватил другую луковицу и кинул в Руперта, но промахнулся, и луковица куда-то укатилась.

– Нет, – со смехом проговорил Джейми. – В этом отношении я и посейчас девственник. Но раз уж ты, Руперт, желаешь обо всем этом узнать в подробностях, прежде чем отойти ко сну, могу поведать об этом и тебе, и всем прочим.

Под дружное «Давай, давай!» Джейми налил себе эля и откинулся назад, приняв типичную позу сказителя. Я заметила, что Колум, сидевший за главным столом, наклонился вперед и изготовился к рассказу так же пристально, как конюхи и бойцы за нашим столом.

– Так вот, – начал Джейми. – Руперт правду сказал: его светлость меня приметил, а я в свои шестнадцать был совсем невинен...

На него обрушился шквал шуток, одна другой непристойнее, но Джейми лишь заговорил громче:

– Говорю, был совершенно несведущ в таких делах и не понимал, что это такое. Но меня удивляло, почему он все время пытается погладить меня, как собачку, и почему интересуется, что лежит у меня в спорране.

– Или под ним! – выкрикнул чей-то пьяный голос.

– Удивлялся я до того, – продолжал Джейми, – пока он однажды не заметил, что моюсь в реке, и не предложил мне потереть спину. Спину он потер, но меня не отпустил, и уж завол-

новался, а как он сунул руку мне под килт, я и, в общем, и сообразил, что у чему. Несведущ-то несведущ, да не полный дурак, понимаете? А выбрался я из этого досадного положения вот как: не сняв одежды, прямо в килте кинулся в реку и переплыл на другой берегу. Его светлость не рискнул намочить и испачкать в грязи свой дорогой наряд. После того случая я старался не встречаться с ним с глазу на глаз. Пару раз он изловил меня в саду и во дворе, но я сумел увернуться и отделался поцелуем в ухо. Куда хуже оказалось, когда он поймал меня на конюшне, где я был один.

– На моей конюшне?

Старого Алека переполняло возмущение. Он привстал с места и завопил в сторону главного стола:

– Слушай, Колум, чтобы этот человек и близко туда не подходил! Герцог он или кто, а я не дам ему пугать моих лошадей! И приставать к моим парням, – спохватившись, добавил он.

Джейми продолжил рассказ, нисколько не сбившись от того, что ему не дали окончить предложение. Две дочери-подростка Дугала увлеченно внимали ему с приоткрытыми ртами.

– Я работал в стойле, а там, как вы знаете, не так-то много пространства для маневра. Наклонился над яслями, – раздался очередной взрыв непристойностей, – да, значит, наклонился, вычищая дно, вдруг услышал позади себя шорох и не успел выпрямиться, а уж мне задрали килт на спину, а к заду прижалось что-то твердое.

Взмахом руки он унял поднявшийся гвалт и продолжил:

– Мне, ясное дело, не особо хотелось быть изнасилованным в стойле, но и что делать, я не знал. Скрипнул зубами и понадеялся лишь, что будет не слишком больно. Но тут конь – тот самый вороной мерин, которого ты, Нед, заполучил в Броклбери, Колум потом продал его Бредалбину, – так вот, конь услышал шум, поднятый его светлостью. Вообще лошади любят, когда с ними разговаривают, и этот не был исключением, но он ненавидел очень высокие голоса, из-за чего я не выводил его во двор, когда там играли дети – сразу нервничал, бил копытами и лягался почем зря. У его светлости, как вы помните, голос очень высокий, а тогда стал от возбуждения еще выше. Ну и коню он не понравился, мне, впрочем, тоже. И вороной затопал, завертелся и прижал его светлость к стенке стойла, можно сказать, распластал. Как герцог от меня отцепился, я вскочил на ясли, обошел коня с другого бока и убежал, а его светлость был оставлен спасаться, как он умел.

Джейми замолчал и отхлебнул из кружки. К тому времени ему внимали все, кто был в зале, все обратили к нему лица, освещенные зажженными огнями. Некоторые, услышав обвинения, высказанные по поводу весьма влиятельного и знатного английского аристократа, недовольно хмурились, но большинству пикантный рассказ доставил явное удовольствие. Мне стало понятно, что герцог не был в замке Леох особенным любимцем.

– Подобравшись, как вы сказали, так близко, его светлость, чтобы получить меня, придумал еще одну хитрость. На следующий день он обратился к Маккензи с просьбой прислать меня к нему, дабы я помог умыться и переодеться, так как личный слуга его светлости, мол, занемог.

К несказанной радости публики, Колум закрыл лицо рукой в притворном ужасе. Джейми кивнул Руперту:

– Вот почему ты видел меня, входившего вечером в комнату его светлости. Если можно так выразиться, по приказу.

– Ты мог сказать мне, Джейми, и я бы не позволил тебе идти, – укоризненно промолвил Колум.

Джейми пожал плечами и усмехнулся.

– Дядюшка, меня сдерживала природная скромность. Кроме того, мне было известно, что с этим человеком вы ведете дела, и я считал, что, если вам придется просить его светлость убрать лапы с задницы вашего племянника, ваши переговоры окажутся под угрозой.

– Весьма разумно с твоей стороны, Джейми, – холодно сказал Колум. – То есть ты принес себя в жертву на алтарь моих интересов?

Джейми приподнял свою кружку с шутливой торжественностью.

– Дядюшка, ваши интересы для меня всегда превыше всего, – сказал он. Мне показалось, что сквозь веселость прекрасно читался подтекст сказанного и Колум понял его так же отчетливо, как и я.

Джейми допил эль и вернул кружку на стол.

– Тем не менее, – продолжал он, утерев пелену со рта, – мне казалось, что в этом случае долг перед семьей требует от меня таких жертв. Я отправился в покои герцога, как вы мне велели, но и только.

– И вышел оттуда с нетронутым задом? – скептически поинтересовался Руперт.

– Именно так. Видишь ли, как только я об этом услышал, я отправился прямым ходом к миссис Фиц и заявил, что мне просто позарез нужно принять порцию сиропа из винных ягод. Она мне его налила, а я приметил, куда она ставит бутылку, потом тихо пробрался туда и выпил сколько мог.

Все залились хохотом, включая миссис Фиц, так покрасневшую от смеха, что я испугалась, что ее может хватить удар. Однако она торжественно встала, обошла стол кругом и ласково потрепала Джейми за ухо.

– Так вот куда пропало мое прекрасное снадобье, вот негодяй! – Она с укоризной покачала головой, в уперев руки на бедра. – Лучшее слабительное из всех, какие я готовила.

– Оно отлично подействовало, – заверил ее Джейми.

– Еще бы! Представить боюсь, что случилось с твоими кишками после такого угощения! Потом тебе, небось, было не по себе еще не один день.

– Ничего такого со мной не случилось, но в тот день я никак не соответствовал желаниям его светлости. И он совершенно не возражал, когда я попросил позволения его оставить. Но я знал, что проделать такой трюк еще раз у меня не получится, поэтому как только спазмы уменьшились, позаимствовал на конюшне лошадь и был таков. Дорога домой стала куда длиннее обычного, потому что мне приходилось останавливаться примерно через каждые десять минут, но на следующий день к обеду я уже был там.

Дугал знаком приказал слуге принести еще эля и переправил кувшин вдоль стола поближе к Джейми.

– Да, твой отец сообщил, будто считает, что ты уже многому в замке научился и с тебя довольно, – сказал он с сочувственной улыбкой. – Впрочем, в его письме было что-то, чего я тогда не понял.

– Надеюсь, вы приготовили новую порцию лекарства, миссис Фиц? – перебил Дугала Руперт и развязно ткнул дородную женщину под ребро. – Потому что его светлость прибывает в замок через день-другой. Или в этот раз тебе поможет молодая женушка, а, Джейми?

И Руперт окинул меня масляным взглядом.

– Впрочем, по всей видимости, тебе придется ее защищать. Я слышал, что слуга герцога не разделяет пристрастий его светлости, хотя почти такой же бойкий.

Джейми отодвинул скамью и встал из-за стола, подняв и меня за руку. Обнял меня за плечи и улыбнулся Руперту:

– Думаю, мы сможем защитить себя, сражаясь спина к спине.

Руперт в ужасе вылупился на него.

– Спина к спине?! – вскричал он. – Выходит, тебе кое-что забыли объяснить перед свадьбой. Неудивительно, что ты до сих пор не сделал ей ребенка!

Джейми еще крепче сжал мою руку и повернул к выходу. Мы удалились, сопровождаемые взрывами смеха и нескромными советами.

В темном коридоре Джейми прислонился к стене и согнулся от хохота почти надвое. Меня тоже ноги не держали от смеха: я села прямо на пол возле него и беспомощно засмеялась.

– Ты ничего ему не говорила? – выдохнул наконец Джейми.

Я отрицательно покачала головой:

– Нет, конечно, нет.

Все еще посмеиваясь, я ухватила Джейми за руку, он потянул меня вверх. Я припала к его груди.

– Позволь проверить, правильно ли я понял.

Он взял мое лицо в свои ладони и прижал свой лоб к моему, так что вместо двух глаз я видела перед собой большой голубой круг, а теплое дыхание согрело мне подбородок.

– Лицом к лицу. Вот так?

Легкие пузырьки смеха растворились у меня в крови, их сменило совершенно другое чувство. Я дотронулась языком до губ Джейми, а руками – до кое-чего внизу.

– Лицо – это не так важно. Но ты понял правильно.

На следующий день я сидела в своем кабинете и терпеливо выслушивала пожилую даму из деревни, родственницу нашей кухарки, которая подробнейшим образом описывала боли в горле у невестки, которые в теории как-то были связаны с жалобами на ее собственный хронический тонзиллит, но я никак не могла уловить эту связь. Неожиданно в дверях возникла чья-то тень и прервала перечень симптомов, лившийся из уст старухи.

В комнату ворвался Джейми, следом за ним Алек – оба до крайности взволнованные и возбужденные. Джейми бесцеремонно вырвал из моей руки и отшвырнул самодельную палочку, которой я в ходе осмотра прижимала язык пациентки, ухватил кисти моих рук в свои и поднял меня на ноги.

– Какого... – начала я, но Алек, уставившийся через плечо Джейми на мои руки, которые тот ему продемонстрировал, перебил:

– Да, все отлично, парень, но что с длиной? Достаточно ли они длинные?

– Гляди.

Джейми вытянул мою руку во всю длину и сравнил со своей.

– Ладно, – с определенным скепсисом протянул Алек. – Может, и пойдет. Да, пойдет.

– Да вы скажете мне, черт вас возьми, что вы намерены делать? – возмутилась было я, но не успела договорить, как мужчины, подхватив меня с обеих сторон, поволокли вниз по лестнице, оставив мою больную старушку с открытым в изумлении ртом.

Через пару минут я с опаской разглядывала большой, блестящий темно-рыжий круп лошади, находившийся примерно в шести дюймах от моего лица. По дороге в конюшню мне стала понятна задача: Джейми объяснял, Алек комментировал рассказ отдельными репликами, проклятиями и междометиями.

Кобыла Лосгана, гордость конюшни Колума, обычно без осложнений жеребившаяся, никак не могла разродиться. Мне и самой это было видно: кобыла лежала на боку, время от времени блестящий от пота живот тяжело раздувался, огромное тело сотрясала дрожь. Стоя на четвереньках возле крупы лошади, я видела края влагалища, слегка расхлывшиеся при каждом сокращении матки, но ничего более существенного не происходило: не показывалось ни маленькое копытце, ни влажный нос. Поздний жеребенок, видимо, имел боковое или заднее предлежание. Алек считал, что боковое, Джейми – что заднее, и они прервали свой спор лишь тогда, когда я нетерпеливо поинтересовалась, чего они, собственно, ждут от меня.

Джейми посмотрел на меня как на идиотку.

– Конечно, хотим, чтобы ты повернула жеребенка, – терпеливо произнес он. – Поверни передние ножки, и он сможет выйти.

– Всего-то?

Я взглянула на лошадь.

Лосганн (это красивое имя в переводе значило «лягушка») для кобылы была довольно изящная, но, однако, совсем не маленькая.

– То есть мне надо сунуть в нее руку?

Я исподтишка посмотрела на свою руку. Внутри я ее, конечно, засуну, проход достаточно большой, а дальше что?

Мужские руки, разумеется, были для этого слишком большими. Конюха Родерика, обычно исполнявшего такие трудные операции, в этот раз привлечь было невозможно, поскольку его правая рука, сломанная за два дня до этого, покоилась в лубке на перевязи моего изобретения. Впрочем, за Родериком послали Уилли, второго конюха – для советов и моральной поддержки. В скором времени пришел Родерик, облаченный лишь в рваные штаны; в сумраке конюшни белела его узкая грудь.

– Дело нелегкое, – сказал он сразу и о кобыле, и о том, что мне придется его подменить. – Мудреное, знаете ли. Руку надо набить, да и много сил приложить придется.

– Не тревожься, малыш, – уверенно заявил Джейми. – Клэр куда сильнее тебя. Ты лишь расскажи, что искать и что делать, и она легко справится.

Проявленное доверие меня впечатлило, но сама я не разделяла подобного оптимизма. Повторяя про себя, что это не труднее, чем ассистировать при полостной операции, я зашла в стойло, надела вместо платья штаны и грубую холщовую рубаху и намазала жирным дегтярным мылом правую руку от кисти до плеча.

– Ну что ж, приступим, – пробурчала я себе под нос и сунула руку внутрь лошади.

Места для маневра внутри было недостаточно, и сперва я не понимала, что ощупываю. Для лучшего внимания закрыв глаза, я стала вести поиски тщательнее и осторожнее. Попадались мягкие участки и более твердые выступы. Мягкое – это, должно быть, тельце, а твердое – головка или ножки. Мне требовалось найти ножки, причем именно передние. Постепенно я начала различать, что где, и поняла, что во время очередной схватки не надо двигать даже пальцем: необыкновенно сильные мышцы матки очень больно сжимали всю руку, как тиски, а когда напряжение уходило, я могла продолжать свое дело.

Наконец я нащупала нечто совершенно конкретное.

– У меня под пальцами нос! – радостно закричала я. – Нашла головку.

– Умница, барышня, умница! Непусти ее! – похвалил меня Алек, который, скрючившись, суетился возле лошади, поглаживая ее при каждой схватке.

Я скрипнула зубами и ткнулась лбом в лошадиный круп – так сильно мне стиснуло запястье. Отпустило, и я продолжила обследование. Осторожно перемещая руку вверх, нащупала глазницу, лоб, крошечное свернутое ухо. Переждав еще одну схватку, продвинулась по изгибу шеи к плечу.

– Головка прижата к плечу, – сказала я. – Положение правильное.

– Отлично, – подбодрил меня Джейми; он сидел у морды лошади и успокаивающе гладил по мокрой от пота шее. – Похоже, ножки подобраны под грудь. Попытайся нащупать колено.

Поиски все длились и длились: я нащупывала что-то в теплой темной глубине лошадиного тела, сунув туда руку по самое плечо; а руку то сжимало сильнейшими родовыми схватками, то милосердно отпускало. Мне казалось, что я сама рожаю, – и это было дьявольски трудно.

В конце концов я нащупала копыто, почувствовала его округлую поверхность и очень острый край, еще не касавшийся земли. Как могла, соблюдая противоречивые нервные инструкции моих наставников, я то тянула, то толкала, помогая повернуть инертное тело жеребенка, двигала одну ножку вперед, другую назад, обливалась потом и стонала хором с кобылой.

А потом все неожиданно получилось. Когда мышцы матки в очередной раз расслабились, жеребенок мягко скользнул в нужное положение. Неподвижно, я ждала следующей схватки.

Она наступила – и наружу вылез маленький мокрый носик и вытолкнул мою руку. Крошечные ноздри дернулись, словно от любопытства, и нос пропал.

– В следующий раз выскочит! – Алек чуть экстатически не плясал по сему, его изувеченные ревматизмом ноги выделяли фантастические кренделя. – Давай, Лосганны! Давай, моя милая маленькая лягушечка!

И как бы в ответ на его призыв кобыла судорожно вхрапнула, резко выгнула круп – и на чистую солому мягко выскользнул жеребенок с мокрыми шишковатыми ножками и огромными ушами.

Я тоже осела на солому, ухмыляясь совершенно по-идиотски. Я находилась в эйфории – покрытая мылом, слизью и кровью, уставшая, воняющая далеко не самыми приятными лошадиными ароматами.

Я сидела и следила за тем, как Уилли и Родерик, помогавший одной рукой, обтирают жеребенка пучками соломы. И вместе со всеми ликовала Лосганны, обернувшись, сначала лизнула свое дитя, а затем бережно подтолкнула его носом, чтобы он встал на четыре разъезжающиеся ноги.

– Дьявольски хорошо, голубушка! Дьявольски!

Алек, не закрывая рта, схватил меня за руку, всю в слизи, и радостно тряс ею.

Неожиданно он осознал, что я еле держусь на ногах и вообще приобрела довольно неавантажный вид, и велел одному из конюхов принести воды. После чего старик зашел со спины и положил свои твердые ладони мне на плечи. Исключительно точными и мягкими движениями он гладил мышцы плеч и шеи, жал, бил, растягивал их, убирая напряжение и зажимы.

– Ну что, голубушка? – наконец промолвил он. – Нелегкое это дело, правда?

Он улыбнулся мне, а затем перевел восхищенный взгляд на новорожденного.

– А кто у нас тут такой красивый? – запричитал он. – Кто у нас такой славный?

Умыться и переодеться мне помог Джейми. Мои пальцы были так истерзаны, что не могли управиться с пуговицами на корсаже, я понимала, что наутро рука превратится в сплошной синяк, но чувствовала спокойствие и радость.

После лившего, казалось вечность дождя наконец наступило ясное солнечное утро. Точно выбравшийся из норы крот, я жмурилась от яркого света.

– У тебя настолько тонкая кожа, что я вижу, как под ней течет кровь, – промолвил Джейми, следя за движениями луча по моему обнаженному животу. – Я могу показать, как идет жила по твоей руке к сердцу. – Он провел пальцем от запястья до локтевого сгиба, затем по внутренней стороне руки к плечу и добрался до ключицы.

– Это подключичная вена, – заметила я, следя за движением его пальца.

– Правда? А, точно, ведь она идет у тебя под ключицей. Ну скажи еще что-нибудь. – Палец медленно отправился вниз. – Мне так интересно слушать разные латинские названия. Никогда не предполагал, что заниматься любовью с доктором так забавно.

– Это ареола¹, – сообщила я специальным медицинским голосом. – Ты же знаешь, я на прошлой неделе тебе говорила.

– Верно, говорила, – пробормотал он. – А тут тоже кое-что очень любопытное.

Рыжая голова опустилась, и место языка занял палец.

– Умбиликус², – пробормотала я, справившись с пресекавшимся дыханием.

– М-м-м, – протянул он, прижав улыбающийся рот к моей освещенной солнцем коже. –

А это что?

– Сам скажи, – промолвила я, обхватив Джейми за голову, но у него уже закончились слова.

---

¹ Ареола – окрашенный кружок вокруг грудного соска.

² Пупок (лат.).

Несколько позже я сидела в кабинете на своем стуле, мечтательно вспоминала о пробуждении в залитой солнечными лучами кровати, где блики переливались на белых простынях, как на пляжном песке, и лениво теребила один сосок, с удовольствием чувствуя, как от моих прикосновений к тонкой ткани платья он твердеет.

– Развлекаешься?

Насмешливый голос вошедшего застал меня врасплох, я так быстро вскочила, что врезалась головой в полку.

– О, – недовольно заметила я. – Гейлис. Кто же еще! Что ты тут забыла?

Она перекатилась через порог, словно на колесиках. Конечно, я знала, что у Гейлис есть ноги, я даже их видела, но я не понимала, как ей удавалось так ходить.

– По просьбе миссис Фиц принесла немного испанского шафрана, она готовится к визиту герцога.

– Опять пряности? – изумленно спросила я (ко мне возвратилось доброе расположение духа). – Если он съест хотя бы половину приготовленного, обратно его укатят как пушечное ядро.

– Его и сейчас можно катить. Я слыхала, он действительно толстый как шар.

Закрыв таким образом тему герцога и его внешности, Гейлис пригласила меня совершить с ней прогулку до подножия ближайшего холма.

– Мне нужно собрать немного мха, – объяснила она и изящно поводила своими очень гибкими длинными руками. – Если прокипятить его с молоком и толикой овечьей шерсти, получится великолепное средство для кожи рук.

Я посмотрела на узкое окно, сквозь которое пробивался солнечный луч и золотил танцевавшие в нем пылинки. Легкий ветерок пах спелыми фруктами и свежескошенным сеном.

– Почему бы и нет?

Пока собирала свои корзинки и флаконы, Гейлис слонялась по кабинету, все время хватала разные предметы и бросала их не на месте. Она добралась до маленького столика и, нахмурившись, подняла с него то, что там было.

– А это что?

Бросив корзинку, я подошла посмотреть. Гейлис держала маленький пучок каких-то сухих травок, перевязанный тремя свитыми нитями – красной, белой и черной.

– Джейми говорит, какой-то сглаз. Как он выразился, чья-то дурная шутка.

– Он прав. Где ты это нашла?

Я рассказала, как обнаружила пучок в собственной постели.

– Джейми выбросил его в окно, а на следующий день я пошла и подобрала. Хотела показать тебе и спросить, не знаешь ли ты об этом что-нибудь, да запомнила.

Гейлис замерла, задумчиво стуча ногтем по передним зубам и покачивая головой.

– Нет, не думаю, что знаю. Зато знаю способ выяснить, кто это подложил.

– Правда?

– Правда. Завтра утром приходи ко мне, и я научу.

После этого она перестала отвечать на всякие вопросы о загадочном букете, вметнула вихрь зеленых юбок и удалилась. Мне оставалось лишь догонять ее.

Гейлис отправилась прямо к подножию холма: если дорога позволяла – бегом, а если становилось трудновато – быстрым шагом. Миновав деревню, мы двигались так примерно час, после чего она остановилась возле ручья под склоненными ивами.

Мы перешли ручей вброд и пошли в гору, собирая остававшиеся летние цветы и первые поспевшие осенние плоды, а также срывая твердые желтые грибы-трутовики, которые росли на пнях в затененных маленьких ложи-нах.

Гейлис поднялась по склону и исчезла в зарослях папоротника, а я остановилась, чтобы сорвать осиновой коры. Отливавшие пурпуром шарики высушенного сока на бледной коре под

пробивавшимися сквозь листву редкими солнечными лучами напоминали застывшие капли крови.

От наблюдений меня отвлек странный звук. Я подняла голову и посмотрела в сторону, откуда он слышался.

И вновь до меня донесся тот звук – тонкое мяуканье. Оно шло, как мне почудилось, откуда-то сверху, словно из каменистой теснины почти у самой вершины холма. Я поставила корзину на землю и пошла вверх...

– Гейлис! – позвала я. – Иди сюда! Кто-то оставил ребенка.

О появлении Гейлис возвещали треск веток под ногами и приглушенная брань: она прокладывала дорогу по холму через кустарник, росший на склоне. Она была вся красная, злая, а волосах запутались мелкие ветки и колючки.

– Зачем, бога ради... – заговорила она, но сразу перебила себя. – Боже милосердный! Положи обратно!

Она вырвала ребенка из моих рук и вернула туда, где я его нашла, – в небольшую ямку в камне. Ямка была гладкая, похожая на купель, меньше ярда в поперечнике. Сбоку от нее стояла небольшая деревянная чашка, наполовину наполненная свежим молоком, а в ногах у ребенка лежал букет полевых цветов, перевязанный красным шнурком.

– Но ведь он болен! – протестующе воскликнула я, снова наклонившись к ребенку. – Кто посмел оставить больное дитя?

Невооруженным глазом было видно, что ребенок был тяжело болен: сморщенное личико позеленело, под глазами пролегли темные тени, маленькие кулачки слабо двигались под пленкой. Когда я взяла его на руки, он вяло обвис. Поразительно, но у него еще находились силы на крик.

– Его родители, – сухо ответила Гейлис, взмахом руки отгоняя меня. – Не трогай. Идем отсюда.

– Родители? – возмутилась я. – Но...

– Это оборотень, – раздраженно сказала Гейлис. – Оставь его в покое и пойдем. Быстрее!

Она юркнула обратно в подлесок, потащила меня следом и держала за руку до самого низа склона, несмотря на мои выраженные протесты. Мы обе запыхались и покраснели, но остановить ее я сумела только у самого подножия холма.

– Что происходит? – поинтересовалась я. – Мы же не можем оставить недужного ребенка прямо так, под открытым небом? И о чем ты говоришь, когда называешь его оборотнем?

– Это оборотень, – с прежним раздражением сказала Гейлис. – Не знаешь, кто такой оборотень? Когда эльфы крадут у людей ребенка, взамен оставляют своего. Такого подмышка легко опознать: он постоянно беспокоится и кричит, не розовеет и не растет.

– Это я, разумеется, знаю, – ответила я. – Но ты же не веришь во всю эту ерунду, Гейлис?

Внезапно она окинула меня странным настороженным взглядом, но почти мгновенно расслабилась, и лицо приобрело обычное слегка циничное насмешливое выражение.

– Нет, не верю, – согласилась она. – Однако местные верят.

Она тревожно подняла глаза вверх, но от каменной расселины больше не слышалось ни звука.

– Поблизости, должно быть, прячутся родители. Пошли отсюда.

Я с неохотой дала увести себя к деревне.

– Почему они его туда положили? – спросила я, пока, сидя на камне, снимала чулки, чтобы перейти ручей вброд. – Надеются, что придут эльфы и его вылечат?

Я все еще переживала за младенца: он был очень серьезно болен. Я не знала чем, но, возможно, могла бы помочь.

А что, если довести Гейлис до ее дома, а самой вернуться? Только следует поспешить. На востоке в небе светлые дождевые облака мягко темнели на фоне окрашенных пурпуром сумерек. Горизонт на западе еще светился розовым, но оставалось ему не больше получаса.

Гейлис перекинула плетеную ручку корзины из ивового прута через голову на шею, приподняла юбку и, ежась, зашла в холодную воду.

– Нет, – ответила она. – Вернее, да. Это один из тех заколдованных холмов, где опасно спать. Если там на ночь оставить подмышка, эльфы придут и заберут его, а настоящего ребенка вернут.

– Но никого они не вернут, потому что это не оборотень, – сказала я, когда ко мне вернулось дыхание, пропавшее от ледяной воды. – Это просто больной ребенок, который, скорее всего, не выживет после ночи под открытым небом.

– Не выживет, – согласилась Гейлис. – К утру он умрет. И я молюсь, чтобы было так, что никто нас не заметил.

Я замерла с туфель в руке.

– Умрет! Гейлис, я иду обратно. Я не могу его там бросить.

И я вновь отправилась в ручей.

Гейлис схватила меня сзади за юбку, отчего я плашмя рухнула на мелководье. Я пыталась встать на колени, поднимая во все стороны брызги и захлебываясь, а она стояла в ручье по колено и вся мокрая смотрела на меня.

– Эй ты, безмозглая английская дурица! Ты ничего не сумеешь сделать! Ты слышишь? Я не могу допустить, чтобы ты рисковала своей и моей, кстати, жизнью, потому что тебе вздумалось следовать идиотскому бреду!

Что-то приговаривая и шмыгая носом, она наклонилась, взяла меня за руки и помогла встать.

– Клэр, – с нажимом сказала она, дергая мои руки. – Послушай. Если ты подойдешь к этому ребенку и он умрет – а он обязательно умрет, уж я-то знаю, насмотрелась на таких, – его родители обвинят тебя. Неужто тебе непонятно, что это опасно? Ты знаешь, как о тебе судачат в деревне?

Я дрожала под порывами холодного ветра, и меня разрывало между явной боязнью Гейлис за меня и мыслями о беззащитном младенце, который медленно умирает в темноте, а в ногах у него лежит букет полевых цветов.

– Нет, – ответила я, откидывая с лица намокшие волосы. – Нет, Гейлис, не могу. Я обещаю вести себя осторожно, но я должна.

Я вырвалась от нее и, спотыкаясь и отступаясь, пошла по воде, по которой уже протянулись зыбкие вечерние тени, к другому берегу.

За моей спиной раздался сдавленный отчаянный крик, а следом – удаляющиеся всплески. Ладно, она хотя бы не станет ставить мне преграды.

Быстро спускалась ночь, и я со всей возможной скоростью продиралась сквозь кустарник и бурьян. Я сомневалась, что смогу выбрать верный холм из нескольких почти одинаковых, если не успею добраться до него в сумерках. Неизвестно, заколдованы ли эти холмы, но бродить в одиночку в темноте мне совершенно не улыбалось. Кроме того, меня серьезно волновало, как я смогу вернуться к замку с больным ребенком в руках.

В конце концов по нескольким молодым листовницам, росшим у подножия, я опознала нужный холм. Окончательно стемнело, луна не возшла, и я то и дело спотыкалась и падала. Тесно росшие листовницы шелестели иглами и поскрипывали ветвями под ночным ветром: в этих звуках слышался тихий разговор.

Чертово место, и правда заколдованное, подумала я, двигаясь между тонкими стволами и вслушиваясь в эту загадочную беседу, совершенно не удивлюсь, если из-за следующего дерева выйдет привидение.

Однако удивиться пришлось. Когда из-за дерева появилась темная фигура и схватила меня руками, я чуть с ума не сошла от страха: громко взвизгнула и застыла на месте.

– Боже милосердный! – пробормотала я, когда дар речи вернулся. – А ты что тут делаешь? И обрадованно прижалась к груди Джейми, хоть он меня и напугал.

Он взял меня за руку и повел за собой.

– Я отправился следом, – негромко проговорил он. – Мне нужно было тебя найти, ведь уже настала ночь. У ручья Святого Джона я встретил Гейлис, и она объяснила, где ты.

– Но ребенок... – начала я, обернувшись к холму.

– Ребенок умер, – сказал он, разворачивая меня в нужную сторону. – Первым делом я отправился туда и посмотрел.

Я покорно отправилась за ним, подавленная смертью ребенка, но вздохнувшая с облегчением оттого, что не придется взбираться на заколдованный холм, а затем преодолевать долгий обратный путь в одиночку. Меня пугали и темнота, и шепчущие деревья, поэтому, пока мы не перешли ручей, я не произнесла ни слова. Все еще не высохшая от недавней схватки в воде, я не стала разуваться и снимать чулки и влезла в воду прямо в них. Джейми, не промочивший ноги, прыгнул с берега на валун, торчавший из воды, а оттуда широким прыжком перемахнул на противоположный берег.

– Ты не подумала, что в подобную ночь шататься по лесу в одиночку опасно, а, англичаночка? – спокойно, с интересом спросил он.

– Нет... то есть да. Прости, что я тебя встревожила, но я не могла оставить там дитя, просто не могла!

– Да, понимаю. – На мгновение он изо всех сил прижал меня к себе. – У тебя доброе сердце, англичаночка, но ты даже представить себе не можешь, с кем бы ты столкнулась.

– С эльфами, что ли? – Я утомилась, события меня вздернули, но я пыталась скрыть свое возбуждение за легкомысленными интонациями. – Я их не боюсь.

Меня вдруг осенило.

– А ты... что же, веришь в эльфов, оборотней и все такое прочее?

Джейми помолчал и ответил:

– Нет. Нет, в такое я не верю, но разрази меня гром, если бы я согласился провести ночь на таком заколдованном холме. А я ведь человек образованный, англичаночка. В доме Дугала у меня имелся очень хороший немецкий учитель, научивший меня латыни и греческому, а потом, в восемнадцать лет, я отправился во Францию, изучал историю и философию и узнал, что мир куда шире болот и ущелий и наших озер, где живут водяные лошади. Но здешние люди... – Он махнул рукой в простиравшуюся за нами темноту. – Они никогда не покидали родные ущелья и озера, не забирались от места, где родились, дальше, чем на день пути, разве что не больше двух раз за жизнь участвовали в таком грандиозном событии, как собрание клана. Они знают о мире не больше того, что им поведал в воскресной проповеди отец Бейн. Его рассказы да старые сказки.

Он отвел ветку ольхи, и я под ней проскользнула. Мы вышли на оленью тропу, ту, по которой мы с Гейлис уже проходили, и я обрадовалась очередному доказательству, что Джейми умеет найти дорогу даже в темноте. Чем дальше мы оказывались от холма, тем более нормальным голосом он говорил, иногда только замолкая, чтобы убрать с пути очередную колючую ветку.

– Из уст Гуиллина, когда ты сидишь в зале и потягиваешь рейнское, такие рассказы кажутся страшными, но занимательными...

Джейми шел первым, но за его спиной я хорошо слышала мягкий и выразительный голос, отчетливо звучащий в ночной тишине.

– Однако за пределами замка, особенно в деревне, все совершенно иначе. Такие сказки для людей – реальность. И, думаю, некоторые из них – правда.

Я вспомнила янтарные глаза водяной лошади и задумалась над тем, какие еще сказки заключают в себе правду.

– А другие... ну... – Джейми забормотал себе под нос, и мне пришлось прислушиваться изо всех сил. – Родителям этого младенца легче поверить, что умер подменыш, а их собственный ребенок, здоровый и радостный, живет вечной жизнью среди эльфов.

Мы добрались до оставленных пастись лошадей – и спустя всего полчаса перед нами приветливо засветились огни замка Леох. До этого я не могла вообразить, что сочту это мрачное здание передовым рубежом настоящей цивилизации, но в тот момент огни показались мне символом просвещения.

Однако когда мы подъехали ближе, я осознала, что яркий свет исходит от ряда фонарей, горящих на парапете моста.

– Что-то произошло, – сказала я, повернувшись к Джейми.

Я посмотрела на него внимательнее (впервые за вечер при свете) и увидела, что он одет не в обычную рваную рубаху и старый килт. В свете фонарей полотняная рубашка казалась ослепительно-белой, а через седло был перекинут лучший – и единственный – бархатный кафтан.

– Да, – ответил он. – Поэтому-то я и отправился на твои поиски. Наконец явился герцог.

Его светлость сумела произвести на меня сильное впечатление. Понятия не имею, кого именно я собиралась увидеть, но точно не того крепкого красномордого грубоватого спортсмена, который восседал в зале Леоха. Лицо у него было веселое, грубоватое, обветренное, светло-голубые глаза все время чуть косили, как будто он хотел не упустить из виду фазана, летящего против солнца.

На мгновение мне пришло в голову, что недавно слышанное драматическое описание персоны герцога несколько шаржировано. Но внимательно взглядевшись в лица собравшихся, я увидела, что все юноши моложе восемнадцати лет следят за дружеской беседой герцога, Колума и Дугала, сопровождаемой шутками и смехом, с несколько настороженным видом. Следовательно, дело не в драме: их предупредили.

Когда меня стали представлять герцогу, я еле удержалась от смеха. Сандрингем был мужчина высокий, видный, весьма напоминавший шумных ораторов, которые побеждают оппозицию в пабах громкостью речи и повтором тезисов. Разумеется, из рассказа Джейми мне тоже было известно, чего ждать, но когда герцог, склонившись к моей руке, произнес: «Как отрадно повстречать соотечественницу в таком далеком от родины месте» – голосом, более всего похожим на писк обеспокоенной мыши, впечатление было столь сильным, что пришлось прикусить щеку изнутри, чтобы не опозориться перед всеми.

Устав от долгой дороги, герцог и его свита отправились в спальни очень скоро. На следующий же после ужина день в зале был устроен прием с музыкой и приятной беседой, куда в числе прочих были приглашены и мы с Джейми. Сандрингем воздавал хвалу рейнскому Колума и велеречиво живописал дорожные страдания, с одной стороны, и красоту шотландской природы – с другой. Мы с почтением внимали, причем, когда герцог пронзительным визгом рассказывал о своих муках в пути, я пыталась не встретиться с Джейми взглядом.

– Только мы выехали из Стирлинга, как сломалась ось. Три дня пришлось провести под ливнем, пока мой слуга не нашел и не привел кузнеца, который смог помочь делу. И представьте себе: не прошло и дня, как мы налетели на жуткий ухаб, и эта чертова ось опять сломалась! Затем потеряла подкову лошадь, и нам пришлось выйти из кареты и месить грязь подле нее, ведя несчастное создание в поводу. После же...

Рассказ все длился, одно происшествие сменяло другое, а меня все больше и больше разбирал смех; я попыталась залить жар вином, что стало очевидной логической ошибкой.

– Но что за дичь, Маккензи, что за дичь! – вдруг вскричал герцог, в восторге выпучив глаза. – Я глазам своим не поверил! Неудивительно, что у вас такой стол.

Его светлость ласково поводит рукой по немаленькому брюху.

– Клянусь, зуб отдам, чтобы получить возможность поохотиться на оленя, которого мы видели третьего дня. Бесподобный зверь, бесподобный! Представьте, дорогая, – доверительно сообщил он мне, – выскочил на дорогу прямо перед нами. Так перепугал лошадей, что те опять едва не опрокинули карету!

Колум поднял графин и вопросительно воздел темную бровь. Наполнил подставленные стаканы и сказал:

– Возможно, мы сумеем устроить охоту для вашей светлости. Мой племянник – очень хороший охотник.

Из-под нахмуренных бровей он быстро глянул на Джейми, тот чуть заметно кивнул. Откинувшись в кресле, Колум светски промолвил:

– Может получиться прекрасное событие. Возможно, в начале следующей недели. Для фазанов рановато, а для на оленя – время самое удачное. – Он повернулся к Дугалу и склонился к нему. – И мой брат сможет разделить с вами эту радость. Между прочим, если вы соберетесь пойти на север, он покажет вам земли, о которых мы говорили.

– Прелестно, прелестно! – пришел в восхищение герцог.

Он погладил Джейми по ноге; тот не двинулся, хотя я заметила, как напряглись все его мускулы. Затем Джейми ровно улыбнулся, и герцог задержал руку чуть дольше, чем следовало. На этом месте его светлость перехватил мой взгляд и послал мне довольно игривую улыбку, означавшую: «Но попробовать-то надо». Я в ответ против воли улыбнулась. Никак не ожидала, но герцог мне понравился.

В поднявшейся из-за приезда герцога со свитой кутерьме я совершенно забыла о том, что Гейлис предложила помочь найти отправителя таинственного букета трав. А после истории с ребенком-оборотнем на заколдованном холме, произведшей неприятное впечатление, желание обратиться к ней у меня как-то пропало.

Тем не менее любопытство победило осторожность, и когда Джейми по просьбе Колума отправился в деревню, чтобы привести Дунканов на прием, через три дня дававшийся в честь герцога, я, конечно, поехала вместе с ним.

Так в четверг мы оба очутились в гостиной Дунканов. Хозяин неловко, но любезно пытался нас развлекать, в то время когда его жена переодевалась у себя. В целом пришедший в себя от последствий недавнего обострения гастрита Артур, однако, не выглядел особенно здоровым. Как часто бывает с толстяками, неожиданная резкая потеря веса отразилась в основном на лице, кожа которого обвисла, образовав глубокие морщины, а живот торчал под зеленым шелком жилета, как и раньше.

– Возможно, мне лучше подняться и помочь Гейлис с нарядом или прической? – предложила я. – Я привезла ей новую ленту.

Я подозревала, что мне понадобится предлог для встречи наедине, поэтому и взяла с собой маленький пакет. Предъявив его в доказательство, я вышла в дверь и прежде, чем Артур смог что-то сказать, стала подниматься по лестнице.

К нашей встрече Гейлис подготовилась.

– Входи, – сказала она. – Сейчас мы поднимемся в мою специальную комнату. Нужно поторопиться, у нас немного времени.

Я отправилась следом за ней по узкой винтовой лестнице.

Ступеньки оказались разной высоты, то и дело, особенно перед высокими, нужно было, чтобы не споткнуться, приподнимать юбки. Вероятно, решила я, либо плотники в восемнадцатом веке не умели производить точные измерения, либо имели хорошее чувство юмора.

Святылище Гейлис оказалось под крышей, в отдаленной мансарде над комнатами слуг. Его защищала дверь, открывавшаяся с помощью ключа невероятных размеров, который Гейлис вынула из кармана фартука. Резная головка ключа, насчитывавшего не менее шести дюймов в длину, была украшена цветочным орнаментом, весил ключ примерно фунт и при необ-

ходимости, думаю, мог стать хорошим оружием. Сквжина и петли были отлично смазаны, и тяжелая дверь беззвучно отворилась.

Каждый дюйм маленькой мансарды с сужающимися кверху окнами, прорезанными по фронтому дома, занимали полки, уставленные кувшинами, бутылками, фляжками, флаконами, пузырьками и мензурками. Со стропил густо свисали пучки высушенных трав, аккуратно связанные нитками разного цвета; когда мы зашли внутрь, мне на макушку тихо осыпался душистый порошок.

Ничего похожего на чистоту и аккуратность нижней рабочей комнаты Гейлис – беспорядок и темнота, не нарушаемая светом из окон.

На одной из полок оказались книги, в основном старые, зачитанные, без названий. Я с интересом потрогала пальцем кожаные корешки, стоявшие в ряд. Большинство переплетов было из телячьей кожи, но несколько томов было переплетено в что-то другое, очень мягкое, на ощупь липкое и противное. Переплет одной книги, похоже, был из рыбьей кожи. Я взяла ее с полки и осторожно открыла. Текст оказался на смеси старофранцузского и еще более древней латыни, но название прочитать я смогла: «L'Grimoir d'le Comte St. Germain»³.

В легком изумлении я захлопнула том и вернула его на полку. Гримуар. Книга о магии. Я спиной чувствовала, как Гейлис буравит меня взглядом, а, обернувшись, обнаружила на ее лице злобно-настороженную задумчивость. Что мне теперь делать с этим знанием?

– Так это не слухи? – улыбаясь, заметила я. – Ты и в самом деле ведьма.

Меня занимало, как далеко зашло ее увлечение: она в это верила или всего лишь так самоутверждалась, чтобы возместить пустоту в душе, возникшую в браке с Артуром. Интересовало меня и то, какую магию она использует – или считает, что использует.

– Ну, конечно, белую, – проговорила она. – Исключительно белую магию.

Я расстроено подумала, что Джейми говорил чистую правду: по моему лицу любой мог прочитать мысли.

– Это прекрасно, – заметила я. – Скажем, я бы не смогла в полночь танцевать у костра, летать на метле и целовать дьявола в зад.

Гейлис откинула на спину волосы и весело рассмеялась.

– Ну, ты-то ничей зад не целуешь, полагаю, – сказала она. – Я тоже. Впрочем, если бы в моей постели очутился такой красивый и пылкий дьяволенок, как в твоей, я, возможно, и переменяла свое мнение.

– Мне вспомнилось... – начала я, но Гейлис уже начала приготовления, отвернувшись от меня и что-то приговаривая вполголоса.

Первым делом она удостоверилась, заперта ли дверь, затем подошла к окну и, покопавшись в приделанном к подоконнику ящичке, извлекла большую мелкую плоскую и белую свечу в глиняном подсвечнике. Вслед за ними появился выношенный плед, который Гейлис постелила на полу как защитный коврик.

– А что ты будешь делать, Гейлис? – спросила я, с некоторым опасением следя за ее действиями.

Вообще-то, в плоске, свече и пледе я не видела ничего особенно страшного, но ведь и в волшебстве я была совершенной невеждой.

– Вызывать, – ответила она, поправляя плед так, чтобы он лежал ровно по доскам пола.

– Кого вызывать? – спросила я. – Или что?

Она встала и приступила к причесыванию. Бормоча что-то, вынула из волос заколки и шпильки и распустила блестящую темно-русую копну.

---

³ «Гримуар графа Сен-Жермена» (фр.).

– А, призраков, духов, видения. Все, что тебе понадобится, – сообщила она. – Начало всегда одно и то же, но травы и заговоры для каждого случая свои. Сейчас нужно вызвать видение, чтобы узнать, кто хочет тебе зла. Тогда мы сумеем обратить это зло против него.

– Ну, знаешь ли...

Я совершенно не жаждала мести, но меня терзало любопытство: что же такое «вызывать» и кто, черт побери, желает мне зла?

Поставив плошку посередине пледа, Гейлис стала наливать в нее воду из кувшина, между делом рассказывая:

– Можно взять любой сосуд, достаточно большой, чтобы добиться достаточного отражения, но в волшебной книге велено использовать серебряный таз. Можно делать это в пруду или даже в луже, но они должны быть в тихом месте. Для всего этого требуются покой и уединение.

Быстро передвигаясь от окна к окну, она закрывала плотные черные шторы, и в комнате вскоре наступила полная тьма, в которой я еле различала стройную фигуру Гейлис. Однако она зажгла свечу, колеблющееся пламя которой осветило ее лицо, отбросив остроугольную тень под нос и на изящный подбородок.

Гейлис поставила свечу возле плошки, подальше от меня. Она налила так много воды, что, казалось, та выступает над бортом посуды и не выливается только из-за поверхностного натяжения. Наклонившись, я увидела, что отражение в воде получается замечательно, гораздо четче, чем в замковых зеркалах. Как будто вновь прочитав мои мысли, Гейлис объяснила, что отражающий сосуд подходит не только для обряда вызывания духов, но и, к примеру, для того, чтобы смотреть в него, если делаешь прическу.

– Не толкни, а то промокнешь, – наказала она, вдумчиво насупившись.

Тон ее совершенно прозаического замечания, сделанного посреди приготовлений к сверхъестественному обряду, навел меня на мысль еще об одном человеке. Сперва я не могла понять, кого же мне напоминает ее тонкая, белая, как покойник, фигура, склонившаяся над сосудом... Ну конечно! Не имевшая ничего общего с внешностью старомодно одетой дамы, сидевшей у чайника в кабинете викария Уэйкфилда, Гейлис в точности воспроизводила интонации миссис Грэхем.

Возможно, это сходство объяснялось общим для них подходом, прагматизмом, с которыми они воспринимали сверхъестественное как совокупность явлений типа погоды. Его необходимо использовать осторожно – например, как остро наточенный нож, – но избегать его или опасаться не стоит.

А может быть, общим для них был аромат лавандовой воды. Широкие платья Гейлис обычно издавали запах эссенций, которые она перегоняла из растений: календулой, ромашкой, лавровым листом, валерианой, мятой, майораном. А сегодня складки ее белого одеяния крепко пахли лавандой, тем запахом, который пропитывал будничное голубое ситцевое платье миссис Грэхем и исходил от ее морщинистой костлявой груди.

Если грудь Гейлис и была такой же костлявой, на вид это было совершенно незаметно. В тот день я первый раз увидела Гейлис Дункан в затрапезе; обычно она носила строгие, пышные, застегнутые у самой шеи платья, как и положено супруге важного человека. И вот мне открылась удивительно пышная грудь, изобилие почти того же сливочного оттенка, что и платье; я поняла, отчего такой человек, как Артур Дункан, взял в жены бесприданницу темного происхождения.

Гейлис поочередно взяла стоявшие на полке три кувшина и вылила из каждого немного в маленькую железную жаровню. Подошла свечой древесный уголь под жаровней и поддула на слабый огонек, чтобы тот разгорелся. Вскоре стал куриться ароматный дым.

В недвижимом воздухе мансарды этот сероватый дым поднимался строго вверх, не рассеиваясь, и походил на столб, который формой своей напоминал свечу, стоявшую рядом с плош-

кой с водой. Гейлис, изящно подогнув ноги, уселась между двумя этими маленькими колоннами, словно храмовая жрица.

– Ну что ж, думаю, у нас все пойдет ладно.

Молниеносным движением она отряхнула пальцы от остатков розмарина и довольно оглядела место действия.

Солнце не могло пробиться сквозь черные шторы с мистическими символами, и единственным источником света в комнате оставалась свеча. Пламя рассеивалось в темноте и отражалось от поверхности воды, совершенно неподвижной и мерцающей, словно и она излучала свет.

– И что теперь? – спросила я.

Громадные серые глаза, исполненные предвкушения, сверкали словно вода. Гейлис провела руками над плоской и сунула их в колени.

– Ты тихонько посиди, – посоветовала она, – послушай, как бьется твое сердце. Слышишь? Дыши вольно, глубоко и не быстро.

По контрасту с живым выражением лица, голос звучал ровно и спокойно, не так, как ее обычная скороговорка.

Я послушно выполнила приказание и почувствовала, как вместе с выравниванием дыхания замедляется сердечный ритм. В дыме я узнала запах розмарина и не была уверена еще в двух травах. Наперстянка или лапчатка? Сначала мне показалось, что фиолетовые цветки – паслен, однако я ошиблась. Впрочем, что бы это ни было, дыхание у меня замедлилось не только благодаря внушению Гейлис. Я чувствовала, как что-то тяжелое будто давит мне на грудь и замедляет дыхание помимо моей воли.

Гейлис сидела абсолютно неподвижно и смотрела в пространство немигающим взглядом. Но вдруг она кивнула – и я покорно опустила глаза на неподвижную воду.

Затем заговорила – обычным спокойным голосом, вновь вызвав в памяти картину, на которой миссис Грэхем взывает к солнцу среди каменных столбов.

Она говорила не по-английски и вместе с тем почти по-английски. Это был не мой язык, но я должна была его понимать, однако слова звучали где-то за пределом восприятия звуков.

Мои руки онемели; я попыталась было выпрямить их и убрать с коленей, на которых они лежали, но они меня не слушались. Гейлис продолжала говорить – спокойно, мягко, убеждающе. К этому моменту я решила, что понимаю сказанное, однако оно не добирается до моего сознания.

На периферии сознания я понимала, что или меня гипнотизируют, или я подпала под действие какого-то снадобья; разум нащупал последнюю опору на границе беспометства, пытался противостоять действию сладкого дыма. В воде я разглядела свое отражение: зрачки узкие как точки, а сами глаза распахнуты, словно у совы на солнце. В ускользающем сознании мелькнуло слово «опий».

– Кто ты?

Не знаю, кто из нас задал вопрос, но почувствовала движение горла, когда я сказала:

– Клэр.

– Кто послал тебя?

– Я сама пришла.

– Зачем ты пришла?

– Не могу сказать.

– Почему ты не можешь сказать?

– Потому что никто мне не поверит.

Голос в моей в голове заговорил еще добрее, приветливее, он стал зовущим.

– Я тебе поверю. Верь мне. Кто ты?

– Клэр.

Беседу неожиданно прервал громкий шум. Гейлис вздрогнула и пнула плоску.

– Гейлис? Дорогая? – звал из-за двери несколько неуверенный, но вместе с тем повелительный голос. – Милая, нам нужно отправляться. Лошади уже готовы, а ты еще не одета.

Приговаривая под нос не самые любезные выражения, Гейлис встала и рывком открыла окно; в лицо ударил прохладный воздух, я заморгала, и туман в голове несколько развеялся.

Встав надо мной, Гейлис выжидательно посмотрела сверху вниз, затем подала руку и помогла подняться.

– Пойдем, – сказала она. – Чувствуешь себя слегка не в себе? Такое случается. Полежишь на моей кровати, пока я приготовлюсь к выезду.

Я лежала на застеленной кровати в ее спальне, закрыв глаза, прислушивалась к постукиваниям и позвякиваниям, которые производила Гейлис в гардеробной, и размышляла над тем, что все это, черт побери, значит. Церемония, в которой меня вынудили принять участие, явно не имела никакого отношения ни к подброшенному букету, ни к тому, кто это сделал. Очевидная попытка выяснить, кто я такая. Постепенно возвращалось привычное восприятие реальности, и я заподозрила, что Гейлис может шпионить в интересах Колума. Она находится в таком статусе, что знает все дела и тайны в округе. А кому еще, кроме Колума, нужно знать подробности моей личности?

Что бы случилось, если бы Артур не ворвался в наше уединение и не прекратил «общение с духами»? Раздалась бы в благоуханном тумане обычная фраза всех гипнотизеров: «Когда вы проснетесь, то ничего не будете помнить»? Впрочем, я все помнила и надо всем размышляла.

Тем не менее расспросить Гейлис не удалось. Открылась дверь, и в спальне появился Артур Дункан. Он пересек комнату, постучался в дверь гардеробной и вошел.

Раздался тихий вопль ужаса, и наступило гробовое молчание.

Затем в дверях опять возник Артур Дункан: он был бледен как лунь и выпучил остекленевшие глаза так, что я испугалась, не случился ли с ним припадок. Он прислонился к дверному косяку, и я вскочила с кровати и побежала на помощь. Но не успела я подойти, как он, не заметив меня, оттолкнулся от косяка и, запинаясь, выбежал из комнаты.

Теперь я постучала в дверь.

– Гейлис! У тебя все хорошо?

Через мгновение раздался абсолютно спокойный ответ:

– Разумеется. Минутку, сейчас выйду.

Когда мы через некоторое время спустились в гостиную, Артур, вполне оправившийся, сидел рядом с Джейми и попивал бренди. Он выглядел слегка рассеянным, как будто углубился в собственные мысли, однако наградил жену любезным комплиментом относительно ее наряда и послал грума за лошадьми.

Когда мы появились в замке, застолье было еще в самом начале; заместителю прокурора с супругой указали на почетные места за главным столом. Нас с Джейми, как гостей более низкого ранга, усадили за стол с Рупертом и Недом Гоуэном.

Миссис Фиц совершила настоящее чудо: расплываясь от радости, она выслушивала комплименты еде, напиткам и всему остальному.

Действительно, стол был потрясающим. До того я не ела жареных фазанов, фаршированных сладкими каштанами, и они до того мне понравились, что я протянула было руку за третьей порцией, когда Нед Гоуэн, с насмешливым удовольствием наблюдавший за тем, как я ем, спросил, испробовала ли я молочного поросенка.

Однако мой ответ потерялся за шумом в дальнем конце зала. Колум встал и в компании Алека Макмагона отправился к нашему столу.

– Похоже, ваши таланты, миссис Фрэзер, поистине безграничны, – слегка поклонившись, сообщил Колум и во весь рот улыбнулся. – От перевязки раненых и лечения болезных до спасения жеребят. Полагаю, мы можем ждать и воскресения мертвых.

Последние слова заставили всех рассмеяться; впрочем, как я видела, некоторые осторожно поглядывали на отца Бейна, который сидел в углу и методично набивал брюхо жареной бараниной.

– В любом случае, – продолжил Колум, сунув руку в карман кафтана, – позвольте в знак моей признательности сделать вам небольшой подарок.

Он вручил мне маленькую деревянную шкатулку с гербом Маккензи на крышке. Я понятия не имела, что Лосганн была такой дорогой лошадью, и в уме выразила благодарность всем добрым духам – покровителям таких дел, кем бы они ни были, за то, что не случилось ничего скверного.

– Ерунда, – возразила я, попытавшись вернуть подарок. – Я не сделала ничего выдающегося. Просто у меня, к общей удаче, маленькие руки.

– И тем не менее, – настаивал Колум. – Если вам так больше нравится, примите это в виде свадебного дара, но я хочу, чтобы это осталось у вас.

Заметив кивок Джейми, я с неохотой приняла шкатулку и открыла. Внутри оказались чрезвычайно красивые четки черного янтаря, причем каждая бусина была покрыта сложной резьбой, а распятие инкрустировано серебром.

– Очень красиво! – вполне искренне сказала я.

Действительно, четки были очаровательны, но я совершенно не понимала, зачем они мне. Формально я была католичкой, но поскольку росла у дяди Лэма, совершенного агностика, довольно смутно знала, для чего они нужны и в чем их смысл. Однако я горячо поблагодарила Колума и передала четки Джейми, чтобы тот сложил их в спорран.

Я исполнила перед лэрдом реверанс, довольная, что освоила это искусство и теперь не боюсь упасть носом в пол. Колум было открыл рот, чтобы любезно проститься, но не успел: ему помешал неожиданный шум за моей спиной. Я обернулась, но не увидела ничего, кроме спин и голов: все сорвались с мест и собрались вокруг источника суматохи. Колум не без труда обошел стол и нетерпеливым жестом приказал всем разойтись. Гости уважительно расступились, и мне открылся толстый живот: Артур Дункан лежал на полу, и его конечности конвульсивно дергались, отталкивая самозванных помощников. Через волнующуюся толпу протиснулась Гейлис, села на пол возле мужа и тщетно попыталась уложить его голову себе на колени. Припадочный упирался каблуками в пол, спина его выгнулась дугой, он странно сдавленно булькал.

Похоже, Гейлис водила своими зелеными глазами по толпе в поисках кого-то. Решив, что она может искать лишь меня, я решила пойти по пути наименьшего сопротивления и, юркнув под стол и пройдя под ним на четвереньках, вылезла с другой стороны.

Добравшись до Гейлис, я взяла руками лицо Артура и попробовала разжать челюсти. Издаваемые им звуки навели меня на подозрение, что он, возможно, подавился куском мяса, который находится у него в дыхательном горле.

Однако челюсти были судорожно сжаты, губы посинели и на них выступила пена, что не подтверждала картину удушья. Однако же Артур задыхался: грудь вздымалась с трудом, мучительно трепеща в борьбе за воздух.

– Скорее положите его на бок, – попросила я.

На помощь протянулось много рук одновременно, и тучное тело быстро повернули ко мне спиной, туго обтянутой черной тканью костюма. Ребром ладони я стала постукивать между лопаток, еще и еще раз, с тупым и глухим звуком. Широкая спина вздрагивала от ударов, но не наблюдалось никаких признаков, что горло освобождается от застрявшего в нем куска.

Схватив за толстое плечо, я вновь повернула тело. Гейлис низко склонилась над застывшим лицом: она звала мужа по имени и растирала ему горло. Глаза Артура закатились, и каблуки перестали выбивать по полу дробь.

Руки, сведенные агонией, неожиданно упали в стороны, причем одна из них попала прямо по лицу слишком пригнувшегося зрителя.

Бульканье прекратилось, полное тело вяло распростерлось на каменном полу, как мешок, полный ячменного зерна. Я торопливо пыталась найти пульс на запястье, мельком увидев, что Гейлис занята тем же, но на шее: приподняв круглый выбритый подбородок, она изо всех сил прижимала пальцы под челюстью, там, где проходит сонная артерия.

Однако поиски были тщетны. Сердце Артура Дункана, долгие годы с трудом перегонявшее требуемое его дородному телу количество крови, перестало биться.

Я использовала все доступные мне реанимационные приемы: поднимала и опускала руки, делала непрямой массаж сердца, даже дышала «рот в рот» (довольно неприятное действие из-за скверного запаха и вкуса), но безуспешно: Артур Дункан умер.

Я с трудом поднялась на колени, затем встала; одновременно со мной отец Бейн, окинув меня гневным взглядом, встал напротив у тела на колени и поспешно приступил к последнему обряду. Спина и руки болели, а лицо мое странным образом онемело. Меня словно отгородил от шума и голосов в наполненном людьми зале какой-то невидимый занавес. Закрыв глаза, я, как могла, тщательно вытерла липкие губы, стараясь избавиться от вкуса смерти.

Несмотря на смерть Дункана и неизбежные похоронные мероприятия, последовавшие за ней, охоту на оленя с участием герцога перенесли лишь на неделю.

Меня очень угнетала мысль о скором отбытии Джейми. Неожиданно я поняла, что каждый день предвкушаю встречу с ним за обедом после работы, сердце екает, когда мы случайно сталкиваемся днем, что я привыкла опираться на его общество и его уверенную помощь в сложных обстоятельствах жизни в замке. И, положив руку на сердце, я полюбила его ласки, теплую силу, каждую ночь встречавшую меня в постели, и утренние пробуждения от волнующих поцелуев. Даже от мысли, что его не будет рядом, становилось зябко.

Джейми привлек меня к себе, а я легла головой ему под подбородок.

– Я буду скучать по тебе, – тихо промолвила я.

Он прижал меня крепче и чуть печально усмехнулся.

– Я тоже, англичаночка. Сказать по правде, я даже не думал, что мне будет так тяжело тебя оставить.

Он ласково погладил меня по спине, перебирая пальцами по позвонкам.

– Джейми... ты будешь осторожен?

От ответил, и я почувствовала тихое дрожание в груди от смеха:

– С герцогом или с конем?

Несмотря на все мое беспокойство, он был намерен участвовать в охоте на оленя верхом на Донасе. Я часто представляла себе, как эта громадная гнедая тварь исключительно из упрямства сбрасывает всадника на скалу или бьет Джейми своими смертельными копытами.

– С тем и с другим, – холодно сказала я. – Если конь сбросит тебя и ты сломаешь ногу, ты окажешься во власти герцога.

– Точно. Однако там будет и Дугал.

Я фыркнула:

– Он сломает тебе вторую ногу.

Он засмеялся и, пригнувшись, поцеловал меня.

– Я буду осторожен, mo d'uinne. Обещаешь ли ты мне то же?

– Да, – с готовностью скала я. – Но как тебе кажется, кто положил под подушку тот странный букет? Ты ведь этого боишься?

Его веселье словно ветром сдуло.

– Я не считаю, что ты в опасности, иначе я не оставил бы тебя одну. Но все-таки... и держись, пожалуйста, подальше от Гейлис Дункан.

– Это почему еще?

Я откинулась назад, чтобы посмотреть на него. В ночной тьме мне было не разглядеть лица, но говорил он вполне серьезно.

– Эту женщину считают ведьмой и рассказывают о ней всякое... а после смерти ее мужа все стало еще хуже. Не хотел бы я, англичаночка, чтобы ты с ней встречалась.

– Ты и правда думаешь, что она ведьма?

Сильными руками он схватил меня за зад и притянул к себе. Я обняла его, радуясь прикосновению к гладкому, крепкому телу.

– Нет, – ответил он наконец. – Но я думаю, что это для тебя опасно. Обещаешь?

– Хорошо.

Честно сказать, я не возражала против подобного обещания. После случая с оборотнем и сцены в мансарде посещать дом Гейлис мне не очень хотелось. Я подхватила губами сосок Джейми и лизнула. Он склонился к моему уху и прошептал:

– Раздвинь ноги. Я хочу быть уверенным, что ты будешь вспоминать меня, покуда я в отлучке.

Чуть погодя меня разбудил холод. Я в полусне потянулась за одеялом, но его не обнаружила. Однако оно внезапно само собой опустилось на меня. Я удивленно приподнялась на локте, чтобы посмотреть, что случилось.

– Прости, – сказал Джейми. – Милая, я не желал тебя будить.

– А что ты делаешь? Почему не спишь?

Я покосилась на него через плечо. Мои глаза быстро привыкли к царившей еще темноте, и я сумела увидеть на лице Джейми смущение. Он сидел на стуле у кровати, завернувшись в плед, и казался совершенно бодрым.

– Просто... Мне приснилось, что ты пропала и я не могу тебя отыскать. От этого я проснулся и... решил посмотреть на тебя, запечатлеть в памяти, чтобы не забывать, пока я буду далеко. И я раскрыл одеяло. Прости, что ты замерзла, я не хотел.

– Все хорошо.

Ночь была холодная и настолько тихая, что казалось, будто во всем мире никого нет, кроме нас двоих.

– Иди в постель. Ты, верно, тоже замерз.

Он быстро юркнул под одеяло и прижался к моей спине. Провел ладонью по моим шее и плечам, потом по талии и бедрам – по всем линиям и изгибам тела.

– Mo duinne, – еле слышно сказал он. – Нет, сегодня я буду звать тебя mo airgeadach. Моя серебряная. Твои волосы золотисто-серебряные, а кожа – словно белый бархат. Caiman geal. Белая голубка.

Я подалась назад и приглашающе прижалась к нему. С глубоким вздохом приняла в себя его плоть. Он притянул меня к груди и стал двигаться вместе со мной, медленно и сильно. Я чуть задохнулась, и он ослабил объятия.

– Прости, – проговорил он. – Я не хотел делать тебе больно. Я хочу быть в тебе, оставаться в тебе как сейчас, глубоко. Я хочу оставить память о себе, посеяв в тебя семя. Я хочу удержать тебя до рассвета и оставить тебя, пока ты спишь, унести на руках твоё тепло.

После отъезда Джейми я затосковала. Я принимала больных в своем кабинете, по мере сил работала в саду и огороде, чтобы отвлечься, читала книги из библиотеки Колума, но время все равно тянулось очень медленно.

Через две недели после того, как я осталась одна, в коридоре за кухней мне встретила Лаогера. По правде говоря, после того, как увидела ее на лестнице у кабинета Колума, я осторожно к ней присматривалась. Вид у девицы был вполне здоровый, но при этом вся ее фигура словно излучала напряженность, рассеянность, уныние и даже удивление.

«Бедная девочка», – с сочувствием думала я.

В тот день Лаогера, впрочем, казалась довольно жизнерадостной.

– Миссис Фрэзер! – сказала она мне. – Меня тут попросили вам кое-что передать. Вдова Дункан заболела и просит вас прийти и ее полечить.

Припомнив приказания Джейми, я было засомневалась, но сочувствия и скуки вместе взятых оказалось довольно, чтобы уже через час я оказалась по дороге в деревню с докторским сундучком, притороченным к седлу.

Дом Дунканов, увиденный мною, представлял собой пример ужасного запустения и небрежения. На стук никто не откликнулся. Я открыла незапертую дверь и увидела, попав внутрь, что повсюду валяются книги, стоят невымытые стаканы, половики съехали с места, а мебель покрыта толстым слоем пыли. Слуги на мой зов не вышли, а кухня оказалась столь же пустой и неубранной, как остальные комнаты.

С удивлением, росшим с каждым шагом, я поднялась наверх. Спальня, окна которой выходили на улицу, оказалась пустой, но из буфетной, расположенной по другую сторону дома, донеслись какие-то звуки.

Я открыла дверь туда и обнаружила Гейлис: вдова Дункан развалилась в удобном кресле, воздев ноги на стойку. На стойке стояли стакан и графин, а комната крепко пропахла бренди.

Гейлис несколько удивилась моему появлению, однако поднялась из кресла и улыбнулась. Она чуть косила, но казалась совершенно здоровой.

– Что стряслось? – спросила я. – Ты не больна?

Она удивленно посмотрела на меня.

– Больна? Я? Нисколько. Слуги от меня убежали, и дома нет ни крошки, зато много бренди. Хочешь немножко?

Она потянула руку к графину. Я схватила ее за рукав.

– Ты за мной не посылала?

– Нет.

Широко распахнув глаза, она уставилась на меня.

– Тогда почему...

Договорить я не сумела: меня прервал шум за стенами дома. Отдаленный рокочущий неясный шум. Я его уже как-то слышала – и именно в этой комнате.

При одной мысли о толпе, которая производит этот шум, мои ладони сделались мокрыми. Я вытерла руки о платье. Шум становился ближе, и для вопросов уже не было ни времени, ни смысла.

Глава 25. Нельзя помиловать ведьму

Чьи-то плечи в тугом коричневом одеянии отодвинулись – и передо мной предстала бездна. Меня невежливо толкнули через какой-то порог, я сильно стукнулась обо что-то локтем, из-за чего рука сразу онемела, и я плашмя рухнула во что-то невидимое, но вонючее, где кишмя кишели и извивались какие-то твари. Я взвизгнула и стала отбиваться от мелких лапок с коготками и от какого-то существа побольше, с писком впечатавшегося мне в ногу.

В конце концов, я от них избавилась, откатившись вбок, но очень скоро я уперлась в земляную стену, и на меня градом посыпались комья. Вжавшись в стену изо всех сил, я попыталась унять неровное дыхание; вскоре я поняла, что вместе со мной в смрадной яме есть кто-то еще – кто-то молчаливый, с хриплым дыханием, крупный. Возможно, свинья?

– Кто тут? – послышался в страшной темноте громкий голос; в нем слышались испуг и вместе с тем дерзость. – Клэр, это ты?

– Гейлис? – облегченно пробормотала я и бросилась к ней.

Почти сразу мне удалось нащупать ее протянутые ко мне руки. Мы схватились друг за друга как могли крепко и некоторое время молча качались туда-сюда.

– Есть тут кто-нибудь, кроме нас? – спросила я, оглядываясь.

Но взор, даже привыкший к мгле, почти ничего не мог поймать. Откуда-то сверху проникали слабые лучи света, но к месту, где мы находились, они не добирались. Я почти не видела лица, находившегося вровень с моим и не дальше нескольких дюймов. Гейлис неуверенно захихикала.

– Кажется, мыши и еще какие-то твари. И вонь, способная уморить хорька.

– Это я заметила. Боже правый, куда мы попали?

– В яму для воров. Посторонись!

Раздался скрежет, сверху в яму ворвался свет. Я прижалась к стене как раз вовремя, чтобы на меня не попали комья мокрой грязи, посыпавшиеся из маленькой дыры в крыше нашего узилища. Следом за этим камнепадом на пол что-то плюхнуло. Наклонившись, Гейлис подобрала то, что нам кинули. Отверстие все еще было открыто, и я разглядела, что в руках у нее краюха черствого грязного хлеба. Гейлис обтерла хлеб подолом.

– Обед, – сказала она. – Есть хочешь?

Дыру над нашими головами так и не закрыли; время от времени прохожие кидали нам в нее что-нибудь. В нее лил дождь и задувал резкий ветер. В яме было мокро, зябко, отвратительно. Место как раз для злодеев. Воров, богохульников, бродяг, прелюбодеев... и предполагаемых ведьм.

Мы с Гейлис прижимались друг к другу возле стены и почти не открывали рта. Не о чем было разговаривать, мы ничем не могли себе помочь, только если набраться терпения.

Дыра над нами становилась все темнее, и, наконец, с приходом ночи все окуталось тьмой.

– Как тебе кажется, они долго будут нас тут держать?

Отодвинувшись от меня, Гейлис вытянула ноги, и ее подол осветился длинным пятном утреннего света. Когда-то бело-розовое, сейчас оно стало совершенными лохмотьями.

– Не особенно, – ответила она. – Они ждут членов церковного суда. Месяц назад Артур получил письмо, в котором сказано об их визите. В нем писали о второй неделе октября, то есть совсем скоро заявятся.

Она потерла озябшие руки, потом сложила их на коленях, в крошечном пятне солнечного света.

– Расскажи мне про судей, – попросила я. – Расскажи как можно точнее, как оно все будет.

– Точно не знаю. Как судят ведьм, я ни разу не видала, хотя, ясное дело, слышана об этом. – Гейлис задумалась и сказала: – Едут они не из-за суда над ведьмами, а для того чтобы уладить один спор из-за земли. И это значит, что с ними не придет палач, который колет ведьм.

– Кто-кто?

– Палач. Ведьмам неведома боль, – пояснила Гейлис. – И когда их тело чем-то колют, кровь из них не течет.

Ну понятно! Испытание должен вести специальный человек, оснащенный различными булавками, ланцетами и другими колюще-режущими предметами. У меня мелькнуло неясное воспоминание, что о чем-то подобном я читала в книгах Фрэнка, но, помнится, эта практика прекратилась не позже семнадцатого века. Но если подумать, грустно сказала я себе, Крэйнс-муир совершенно не производил впечатление центра цивилизации.

– Тогда весьма прискорбно, что палача с ними не будет, – промолвила я, передернувшись от страха, когда представила себе, как меня будут колоть раз за разом. – Мы бы легко выдержали это испытание. По крайней мере я, – ехидно прибавила я. – По-моему, если они уколют тебя, то вместо крови польется ледяная водица.

– Не знаю, не знаю, – протянула Гейлис, которая не отреагировала на подначку. – Говорят, у палачей есть специальные иглы: если их прижать к коже, они складываются.

– Но зачем? В чем смысл таким образом облыжно обвинять кого-то в колдовстве?

Солнце шло к закату, но его дневного света все еще хватало, чтобы наша нора освещалась его тусклыми лучами. Изящные черты Гейлис отчетливо свидетельствовали, что она соболезнает моей наивности.

– Ты что, так и не догадалась? – спросила она. – Они стремятся нас убить. Совершенно все равно, какие нам предъявят обвинения, нет разницы, и какие выдвинут доказательства. Нас отправят на костер так или иначе.

Ночью меня слишком потрясли атака толпы и кошмарные условия заключения; все, на что меня хватило, это прижаться к Гейлис и ждать рассвета. Но вместе с новым днем я ощутила возрождение остатков самообладания.

– Но почему, Гейлис? – задыхаясь от волнения, спросила я. – Ты знаешь почему?

В яме было нечем дышать от густого смрада, запахов гнили, грязи и сырости, и мне чудилось, что глухие земляные стены могут погresti меня под собой, будто небрежно вырытая могила.

Гейлис пожала плечами, что я скорее почувствовала, чем увидела. Закатный луч, двигавшийся по стене, освещал теперь самый верхний край ямы, а мы погрузились во тьму.

– Если тебе от этого станет легче, – холодно сказала Гейлис, – то вряд ли целью толпы была ты. Это битва между мной и Колумом. Тебе просто не повезло: ты очутилась рядом, когда они пришли меня схватить. Если бы ты осталась в замке, то, скорее всего, была бы в безопасности. Все равно, англичанка ты или нет.

Внезапно слово «англичанка», употребленное в обычном пренебрежительном значении, вызвало у меня сильнейшую тоску по тому, кто звал меня так нежно. Я обхватила себя руками, чтобы укрепить дух и не позволить страху одиночества одержать верх.

– Зачем ты ко мне явилась? – спросила Гейлис.

– Я думала, что ты меня позвала. Одна девушка в замке передала, как она сообщила, твою просьбу.

– А-а, – понимающе сказала Гейлис. – Лаогера, верно?

Я уселась на землю и, преодолев омерзение, вызванное грязной липкой поверхностью, оперлась спиной на стенку ямы. Уловив движение, Гейлис подобралась ко мне. Не важно, кем

мы были – подругами или врагами, – мы стали в тот момент единственным источником тепла для каждой и прижимались друг к другу против собственной воли.

– Откуда ты знаешь, что это была Лаогера? – стуча зубами от холода, спросила я.

– Да ведь она и сунула тебе под подушку тот букет, – заявила Гейлис. – Я же сразу тебе сказала, как девушки в замке восприняли то, что ты захомотала этого рыжего. Видно, Лаогера считала, что, если убрать тебя с дороги, она сумеет его получить.

От изумления я лишилась дара речи и не сразу смогла ответить:

– Но она бы не сумела его добиться!

От холода и жажды Гейлис хрипела, но в ее смехе по-прежнему слышалось серебро.

– Всякий, кто видит, какими глазами он на тебя смотрит, понимает это. Но Лаогера слишком плохо знает жизнь, чтобы в этом разбираться. С парой мужчин повстречается, поймет – а сейчас нет.

– Я вовсе не об этом! – вспыхнула я. – Она не Джейми хочет получить, она беременна от Дугала Маккензи.

– Что?! – В потрясении Гейлис крепко-крепко сжала мою руку. – Почему ты так решила?

Я поведала о том, как встретила Лаогеру возле кабинета Колума и к чему пришла в ходе своих размышлений.

Гейлис фыркнула:

– Пф-ф-ф! Она услышала, что Колум и Дугал обсуждают меня. Потому и побелела: она решила, что раз Колум выяснил, что она взяла волшебный букет у меня, он прикажет выпороть ее до крови. Такое он никому не спускает с рук.

– Так это ты дала ей букет? – возмущенно спросила я.

Гейлис резко возразила:

– Не дала, а продала.

В опускавшейся тьме я поискала ее глаза.

– А что, существует разница?

– Конечно, существует, – раздраженно объяснила она. – Это была лишь сделка, и только. И я не храню тайны своих клиентов. К тому же она не рассказывала, для кого предназначается этот букет. И, помнится, я старалась предупредить тебя.

– Благодарю, – саркастически сказала я. – Но...

От попытки свести разбегающиеся мысли в новый порядок, требующийся в связи с со свежей информацией, в голове моей все совершенно перепуталось.

– Но, – продолжала я, – если это она подложила мне в постель волшебный букет, получается, что она хочет заполучить Джейми. Становится ясным, зачем она вынудила меня отправиться к тебе. Но как же Дугал?

Гейлис тоже поразмыслила, а затем, похоже, пришла к определенному выводу.

– Она беременна от Дугала не больше, чем, скажем, ты.

– Почему ты в этом так уверена?

В темноте она нащупала мою руку и приложила к своему животу, заметно торчавшему под платьем.

– Потому что от него беременна я, – просто сказала Гейлис.

– Значит, не Лаогера, – проговорила я, – а ты.

– Я. – Она говорила спокойно, без обычной для нее эмоциональности. – Говоришь, Колум заявил, что сам все сделает? Значит, это именно он и нашел способ уладить дело.

Я долго молча анализировала события.

– Гейлис, – в конце концов проговорила я, – желудочное недомогание твоего мужа...

– Белый мышьяк, – вздохнув, сказала она. – Я считала, что он умрет раньше, чем беременность станет заметной, но он протянул куда дольше, чем я предполагала.

Я вспомнила ужас попережку с осознанием на лице Артура Дункана, когда он выскочил из гардеробной жены в последний день своей жизни.

– Понимаю, – сказала я. – Он не знал, что ты беременна, пока не увидел тебя полуодетой в день пира, дававшегося в честь герцога. И когда он это понял... Вероятно, он с полным основанием мог не считать себя отцом ребенка?

Из темного угла раздался тихий смешок. Вздогнув, я еще плотнее прижалась к стене.

– Следовательно, по этой причине ты и решилась убить его публично, во время приема. Он бы объявил тебя изменницей... и отравительницей. Он догадывался о мышьяке?

– Он знал. Артур, конечно, не смог бы уверенно говорить об этом, во всяком случае относительно себя, но он знал. Когда мы садились за ужин глаза в глаза и я спрашивала: «Положить тебе кусочек, милый?» или «Немного эля, дорогой?» – он таращил глаза и отказывался, мол, у него нет аппетита. Отодвигал тарелку, но я слышала, как после трапезы он пихал себе в рот еду из кухонного ларя и думал, что находится в безопасности, потому что не берет ее из моих рук.

Рассказывала она спокойно и даже весело, словно передавала забавную байку. Я еще раз вздрогнула и попыталась отодвинуться от твари, делившей со мною тьму, подальше.

– Он понятия не имел, что яд содержался в укрепляющем снадобье, которое он принимал. Приготовленные мной средства он пить отказывался, выписывал укрепляющее из Лондона, причем за немалые деньги. – В голосе послышалась какая-то обида за этакую расточительность. – Как и положено, в лекарство в небольшой дозе входил мышьяк, и когда я добавила еще, Артур не заметил никакой разницы.

Мне было известно, что тщеславие – распространенный недостаток убийц; похоже, это вполне справедливо, потому что Гейлис, забыв, где мы находимся и что нам предстоит, продолжила повествование, очевидно хвалясь своей ловкостью и тем, чего она с ее помощью достигла:

– Разумеется, убивать его таким образом, при всей честной компании, было довольно рискованно, но пришлось действовать очень быстро...

Для мгновенного убийства мышьяк не годится, нужно что-то другое. Я вспомнила посиневшие губы Артура, вспомнила ощущение онемения, возникшее на моих губах после того, как я коснулась ими его рта. Быстродействующий и смертельный яд.

Когда я подслушивала разговор, я решила, что Дугал сознался в грехе с Лаогерой. Но если так, даже если Колуму это не понравилось бы, не существовало препятствий, мешавших Дугалу жениться. Он был вдов и свободен.

Но прелюбодеяние, да еще с женой высокого чиновника? Это же совершенно меняет дело. Я знала, что в таком случае виновному грозила весьма суровая кара. У Колума не было никакой возможности спустить такое важное дело на тормозах, но вообразить, что он приговорит брата к публичному бичеванию или к изгнанию, я тоже была не в силах. А Гейлис сочла убийство разумной заменой клеймения лица раскаленным железом и нескольких лет тюремного заключения, во время которого ей бы пришлось по двенадцать часов в сутки трепать коноплю.

Итак, она приняла свои превентивные меры, Колум – свои. А я угодила между жерновами, попросту вляпалась.

– Хорошо, а ребенок? – спросила я. – Наверное...

Из мглы раздался следующий смешок.

– Несчастные случаи нередки, дорогая, даже с лучшими из нас. И поскольку так вышло...

Я ничего не видела, но почувствовала, что она вновь пожалала плечами.

– Я хотела избавиться от плода, но затем решила, что так смогу заставить его жениться на мне, поскольку Артур мертв.

Меня посетила страшная догадка.

– Но жена Дугала была еще жива, когда... Гейлис, ты...

Она покачала головой, отчего ее платье издало слабый шелест, а в темноте чуть блеснули волосы.

– Я хотела, – промолвила она, – но Господь уберет меня от этого. Я восприняла это как знак. И все могло бы выйти как нельзя лучше, если бы не Колум Маккензи.

Чтобы меньше страдать от холода, я ухватила себя за локти и, стремясь отвлечься от неудобств, продолжила расспросы.

– Ты хотела получить Дугала или только его положение и деньги?

– Ну, денег у меня было много, – уверенно сказала она. – Я знала, где Артур держал ключ ко всем своим бумагам и записям. И стоит заметить в его честь, почерк у него был прекрасный, подделать подпись было совсем не сложно. За последние два года я смогла получить около десяти тысяч фунтов.

– Но для чего? – в совершенном изумлении спросила я.

– Для Шотландии.

– Что?

В какой-то миг я решила, что слух меня обманывает, затем – что кто-то из нас сошел с ума, и, вероятнее всего, это не я.

– Что значит – для Шотландии? – с опаской спросила я и еще чуть отодвинулась: мало ли, неизвестно, какова степень ее безумия, может, это влияние беременности.

– Не бойся, я не сошла с ума.

Я покраснела от циничного веселья, которое услышала в ее ответе, к счастью, в яме было хоть глаз выколи.

– Правда? – иронически спросила я. – Ты только что призналась, что совершила мошенничество, кражу и убийство. Милосерднее думать, что ты лишилась разума, поскольку в противном случае...

– Я не безумна и не преступница, – твердо сказала она. – Я патриотка.

Наконец-то что-то стало проясняться! Я смогла с облегчением выдохнуть (я не дышала, в любой момент ожидая атаки).

– Якобитка, – сказала я. – Боже, ты чертова якобитка!

Она была якобитка, и это объясняло многие ее действия. Скажем, почему Дугал, в идеологическом отношении – отражение своего брата, с таким энтузиазмом собирал деньги для дома Стюартов. И почему Гейлис Дункан, которая могла стать женой любого мужчины, который бы ей приглянулся, выбрала таких разных людей, как Артур Дункан и Дугал Маккензи. Одного – за деньги и положение в обществе, другого – за возможность влиять на мнение публики.

– Колум подошел бы больше, – сказала она. – Жаль. Его несчастье для меня – как мое. Я бы хотела получить его, и только его, он единственный, кого я считаю под стать себе. Вместе мы могли бы... Однако ничего не поделаешь. Единственный мужчина, которого я желала, и единственный, кого я не могла победить своим оружием.

– И поэтому ты выбрала вместо него Дугала.

– А, да, – протянула она, думая о своем. – Сильный, даже влиятельный человек. Довольно богатый. Любимец простолюдинов. В действительности – только ноги и член Колума Маккензи. – Она хохотнула. – Силой владеет Колум. Почти такой же, как у меня.

Ее хвастовство стало мне неприятно.

– Колум обладает такими качествами, каких, как я вижу, у тебя нет. Скажем, состраданием.

– Да уж, он источник милосердия и сострадания, – насмешливо заметила она. – Ну и какая от них польза? За его плечом стоит смерть, сразу заметно. Ему осталось не больше двух лет, если считать от этого Рождества.

– А сколько ты проживешь? – спросила я.

Удар достиг цели, но звонкий голос не дрогнул:

– Думаю, куда меньше. Но это все равно. За время, что мне было отпущено, я много успела. Десять тысяч фунтов были переправлены во Францию, и округ выступает за принца Чарли. Когда начнется восстание, я буду знать, что внесла в него свою лепту. Если доживу.

Она стояла почти под дырой наверху. Я привыкла к темноте и различала ее силуэт; Гейлис казалась мне бледной тенью, неожиданным и неприкаянным привидением. Вдруг она обернулась ко мне.

– Что бы ни случилось на суде, я ни в чем не раскаиваюсь, Клэр.

– Жалею лишь о том, что могу отдать всего одну жизнь за мою страну?

– Отлично сказано, – заметила она, не отреагировав на иронию.

Мы замолчали. Тьма, видная в отверстии, казалась мне материальной силой, холодной тяжестью давила мне на грудь, наполняла легкие смертельным дыханием. В конце концов я села на корточки, спрятала лицо в коленях и погрузилась в тяжелый сон, не спасший меня ни от холода, ни от ужаса.

– Так ты его любишь? – раздался вдруг вопрос Гейлис.

Я подняла голову с колен. Который стоял час, понять было невозможно. Над нами слабо мигала какая-то звезда, но в нашей темнице света не прибавлялось.

– Кого, Джейми?

– Кого же еще? – сухо удивилась она. – Это его ты зовешь по имени во сне.

– Я не знала.

– Так любишь или нет?

Холод вверг меня в тупую дремоту, из которой вывел пронзительный голос Гейлис. Схватив себя за колени, я стала качаться из стороны в сторону. Церковные судьи приедут завтра или послезавтра. Времени притворяться перед собой или другими и уклоняться от ответов не оставалось. Как ни тяжело было признать, но я, вероятно, находилась на волосок от смерти и поняла, отчего узники, приговоренные к смерти, накануне казни хотят исповедаться.

– Я имею в виду, действительно любишь, – настойчиво спрашивала Гейлис, – а не просто хочешь с ним спать. Я знаю, что это ты хочешь, и он тоже. Все мужчины хотят. Но ты любишь его?

Любила ли я его? Испытывала ли нечто большее, чем плотское вожделение? Мрачная яма походила на темную кабинку для исповеди, а на пороге смерти не нужно лгать.

– Да, – кратко ответила я и вновь опустила лицо в колени.

Некоторое время в норе царила тишина, и я вновь было уснула, но услышала, как Гейлис словно про себя сказала:

– Значит, это возможно.

Судьи прибыли через день. До нашей холодной ямы доносились крики деревенских жителей по случаю их появления и топот копыт по булыжной мостовой Хай-стрит. Шум мало-помалу отдалялся; они удалялись по улице к площади.

– Приехали, – сказала Гейлис, прислушавшись к услышанным звукам.

Мы машинально схватили друг друга за руки, вражду победил страх.

– Отлично, – из последних сил хорохорясь, сообщила я. – Предпочитаю смерть на костре, это лучше, чем околеть от холода.

Однако мы так и мерзли в яме до полудня, когда неожиданно открылся вход в наше училище, нас выволокли на белый свет и потащили на суд.

Заседание суда было устроено на площади прямо перед домом Дунканов – очевидно, чтобы могло собраться как можно больше публики. Я заметила, что Гейлис быстро взглянула на шестигранные окна своей гостиной и сразу же безразлично отвернулась.

Два церковных судьи сидели в мягких полукреслах за столом, установленным посреди площади. Один судья был очень высоким и тощим, второй – низким и полным. Я вспомнила карикатуру, которую когда-то видела в случайно доставшемся мне американском юмористическом журнале, и, не зная судей по имени, в уме назвала высокого Матт, а маленького Джефф.

На площади собралась почти вся деревня, присмотревшись, я увидела многих своих бывших пациентов, но обитателей замка не было видно.

Деревенский страж Джон Макри зачитал обвинительное заключение против Гейлис Дункан и Клэр Фрэзер, обвиняемых перед судом церкви в преступном волшебстве.

– Основываясь на свидетельских показаниях, выяснено, что обвиняемые умертвили Артура Дункана посредством колдовства, – читал Макри ровным, твердым голосом, – а кроме того, убили нерожденное дитя Джанет Робинсон, а кроме того, потопили лодку Томаса Маккензи, а кроме того, наслали на деревню Крэйнсмуир повальный желудочный недуг...

Так продолжалось очень долго. Колум подошел к делу весьма тщательно.

После того как обвинение было зачитано, начался опрос свидетелей. Большинство из них было мне неизвестно, тех, кого я лечила, среди них не было, что меня порадовало.

Некоторые несли полную ерунду, части явно заплатили за данные показания, но были и такие, кто рассказывал о реальных событиях. Скажем, бледная и трясущаяся Джанет Робинсон со свежим синяком на скуле, которую притащил на площадь отец, показала, что забеременела от женатого человека и вытравила плод при помощи Гейлис Дункан.

– Она дала мне снадобье, которое я должна была выпить, и заклинание, которое следовало трижды прочесть на восход луны, – бормотала девушка, в ужасе смотревшая то на отца, то на Гейлис, пытаюсь понять, кто из них страшнее. – Она говорила, что от этого у меня снова будут месячные.

– Так и произошло? – с интересом спросил Джефф.

– Не сразу, ваша честь, – ответила девушка, нервно подергивая головой. – Но я выпила снадобье еще раз, когда месяц был на ущербе, и они пришли.

– Пришли?! Девчонка чуть не истекла кровью! – вмешалась женщина в летах, мать Джанет. – Она только тогда и сказала мне правду, как уж вовсе помирать стала.

Миссис Робинсон намеревалась поведать суду все кровавые подробности, и ее еле угомонили, чтобы предоставить слово и остальным свидетелям.

Похоже, против меня лично никто не собирался выступать, единственным расплывчатым обвинением было то, что раз я присутствовала при кончине Артура Дункана и даже до него дотрагивалась, следовательно, я имею отношение к его смерти. Я начинала признавать правоту Гейлис: цель Колума – не я. Если это действительно так, возможно, мне удастся выкрутиться. Но так я думала лишь до того мгновения, когда перед судом предстала женщина с холма.

Едва к столу подошла эта худая, сутулая женщина в желтой шали, я поняла, что нам угрожает серьезная опасность. Женщина была не из этой деревни, до того я ее не встречала. Она была босая, ее ноги покрывала дорожная пыль.

– Имеются ли у вас обвинения против этих женщин? – спросил тощий судья.

Испуганная женщина не смела поднять взгляд и лишь чуть кивнула. Толпа вся обратилась в слух. Говорила женщина еле слышно, и судье Матту приходилось просить повторить сказанное.

У них с мужем, рассказывала женщина, был хворый младенец. То есть он родился здоровым, но потом стал слабеть и хиреть. Наконец супруги пришли к выводу, что ребенка подменили эльфы, и положили его на ложе эльфов на холме Кройч Горм. Они спрятались неподалеку, чтобы забрать своего младенчика, когда его вернут эльфы, но неожиданно увидели, как к ложу эльфов подошли две леди, те самые, что стоят перед ней, взяли ребенка на руки и стали говорить что-то непонятное.

Женщина держала сложенные тощие руки под передником и постоянно ими шевелила.

– Мы с мужем провели там всю ночь. Когда совсем стемнело, возник огромный демон, совершенно черный; он беззвучно подошел к камню и наклонился над тем местом, куда мы положили ребенка.

В толпе раздался потрясенный гул, а я хоть и знала, что «огромным демоном» был Джейми, подошедший посмотреть, жив ли ребенок, почувствовала, как волосы на затылке встают дыбом. Зная, что будет затем, я пыталась себя ободрить.

– Когда взошло солнце, мы с мужем подошли туда и увидели, что оборотень мертв, а нашего младенчика и след простыл.

Сказав это, она прикрыла лицо передником и зарыдала.

И тут, словно мать оборотня подала знак, толпа расступилась и пропустила вперед погонщика Питера. При виде него я про себя застонала. Было понятно, что рассказ женщины настроил толпу против меня; теперь не хватало только этого дурака с его водяной лошадей.

Упиваясь обрушившимися на него мгновениями славы, погонщик надулся и театрально указал на меня.

– Это правильно, что вы называете ее ведьмой, почтенные лорды! Я своими глазами видел, как эта женщина вызвала из вод озера Дьявола водяную лошадь, чтобы та выполняла ее приказы. Громадное страшное чудовище ростом с большую сосну, а шея – прямо как огромная синяя змея. Глаза что яблоко, глянет – души человека лишит!

Судей, похоже, его показания так впечатлили, что они пару минут о чем-то шептались. Все это время Питер угрожающе на меня тарасился: мол, ты у меня посмотришь!

Наконец тот судья, что был толст, прекратил переговоры и повелительным взмахом руки позвал Джона Макри, стоявшего наготове в сторонке.

– Страж! – обратился к нему судья и показал на Питера. – Заберите этого человека и поставьте к позорному столбу за появление на публике в пьяном виде. Идет важное судебное заседание. У судей нет возможности выслушивать нелепые рассказы пьянчуги, которому с перепоя чудятся водяные лошади!

Погонщик Питер до того удивился, что, когда Макри строевым шагом подошел к нему и взял за руку, даже не оказал сопротивления. Когда его уводили, он с открытым ртом все время на меня оглядывался. Я дала себе волю и слабо помахала ему на прощание ладонью.

Но после этого мелкого нарушения порядка плавное течение процесса сбилось. Множество девиц и женщин под присягой дали показания, что покупали у Гейлис Дункан амулеты и приворотное зелье, чтобы навлечь на кого-то недуг, изгнать нежеланный плод или приворожить мужчину. Все как одна утверждали, что купленные средства оказались действенными, – практически рекорд для врача, цинично подумалось мне. Меня практически не упоминали, лишь несколько человек рассказали чистую правду: они неоднократно видели, как в комнате для трав миссис Дункан я смешивала снадобья и измельчала травы.

Их показания были не настолько опасны, в том числе и потому, что перед судом предстало приблизительно столько же свидетелей, которые поведали, что я пользовалась их самыми обычными медикаментами, без всяких заговоров, амулетов и прочего. Следовало воздать должное смелости этих людей, отважившихся дать показания в мою пользу, не побоявшись осуждения общественности; я была им весьма благодарна.

От долгого стояния ноги чуть не отваливались. Судьи расположились с некоторым комфортом, но стулья для подсудимых не были предусмотрены. Но тут перед судом предстал очередной свидетель, я совершенно забыла о ногах.

Необыкновенно артистично распахнув двери церкви, с мастерством, с которым мог бы соперничать один Колум, отец Бейн вышел на площадь, грузно опираясь на тяжелый дубовый посох. Он неторопливо прошел в центр площади, приветствовал судей легким кивком, затем обернулся и стал смотреть так, что под его тяжелым взглядом шум толпы вскоре превратился в тихий тревожный шепот. Затем отец Бейн открыл рот, и слова его казались ударами бича.

– Народ Крэйнсмуира, тебя настигла кара Божья! Чума шла перед ним, а уголь пылающий был у него под ногами. Истинно, допустил ты, чтобы сбили тебя с пути праведного! Ты посеял ветер и теперь пожинаешь бурю.

Я смотрела на него в потрясении: такое красноречие в отце Бейне совершенно невозможно было даже предположить. Вероятно, в особых ситуациях его посещало вдохновение. Торжественный голос был подобен грому:

– Да поразит вас чума, и погибнете вы от грехов своих, если не очиститесь! Ибо приняли к себе блудницу вавилонскую. – (Уставленный на меня гневный взгляд свидетельствовал, что блудницей была я.) – Вы продали души ваши врагу, пригрели английскую змею на своей груди, и потому возмездие Господне вас настигло. Ибо сказано в Писании: «Выйди от нее, народ мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее». Покайтесь, пока не поздно! Говорю вам: падите на колени и молитесь о прощении. Прогоните английскую блудницу и не имейте дела с сатанинским исчадием!

Он схватил четки, висевшие на поясе, и выставил в мою сторону большое деревянное распятие.

Увиденное меня даже слегка развеселило, однако я заметила, что Матт недоволен происходящим. Возможно, это свидетельство профессионального соперничества?

– Ваше преподобие, – начал судья, слегка поклонившись отцу Бейну, – есть ли у вас свидетельства того, в чем обвиняют этих женщин?

– Да, – ответил священник; припадок красноречия завершился, он успокоился.

Он ткнул в меня грозющим перстом, и я чуть не отшатнулась от неожиданности.

– В полдень вторника две недели тому назад я повстречал эту женщину в саду замка Леох. С помощью колдовской силы она наслала на меня стаю псов, и я упал пред ними и попал в смертельную опасность. Сильно раненный в ногу, я пожелал покинуть колдунью, но она соблазнила меня распутством и призывала уединиться с ней, а когда я не поддался соблазну, наслала на меня проклятие.

– Что за идиотизм! – возмутилась я. – В жизни не слыхивала таких глупых выдумок.

Черные, горящие, как в лихорадке, глаза отца Бейна обратились ко мне.

– Женщина, ты будешь отрицать, что говорила: «Идемте со мной, отец, иначе ваша нога воспалится и загноится»?

– Не так в точности, но я высказывалась приблизительно в этом роде, – согласилась я.

С откровенным торжеством выпятив подбородок, преподобный приподнял полу сутаны. На бедре была повязка, перепачканная засохшей кровью и свежим желтым гноем. Выше и ниже повязки нога распухла и покрылась ужасными багровыми полосами.

– Господь милосердный! – вскричала я, увидев это. – У вас же заражение крови. Вам срочно требуется лечение, в противном случае вы умрете.

В толпе раздался крик ужаса. Даже Матт и Джефф, похоже, пришли в замешательство.

Отец Бейн медленно покачал головой.

– Слышите? – спросил он. – Дерзость этой женщины не имеет границ. Она грозит мне смертью, мне, Божьему служителю, перед лицом членов церковного суда!

Возбужденные голоса в толпе стали раздаваться все громче. Почти крича, чтобы все его услышали, отец Бейн продолжил:

– Джентльмены, я призываю вас судить на основе того, что говорят вам чувства и как велит Господь наш: не оставляй ведьму в живых!

И драматическим представлением отца Бейна допрос свидетелей закончился. Судьи объявили краткий перерыв, во время которого из гостиницы им доставили еду для поддержания сил. Обвиняемым такая услуга по-прежнему была недоступна.

Напрягшись, я попыталась ослабить удерживавшие меня путы. Кожаные ремни, которыми я была связана, скрипели, но не поддавались ни на дюйм. В попытке прогнать страх,

я несколько иронически подумала, что как раз настало время появиться быстрому молодцу, который должен силой проторить себе дорогу сквозь перепуганную толпу, схватить лишившуюся чувств красавицу и посадить к себе в седло.

Однако мой быстрый молодец в это время находился в далеком лесу, где попивал эль вместе с пожилым аристократом-жизнелюбом и преследовал оленя, который вообще ни в чем не был виноват. Очень маловероятно, скрипя зубами, подумала я, что Джейми успеет прибыть сюда хотя бы для того, чтобы собрать мой прах перед тем, как ветер разнесет его по всем сторонам света.

Находившаяся под гнетом разраставшегося страха, я не сразу услышала конский топот. Но вот из толпы раздались удивленные возгласы, люди стали оборачиваться – и я разобрала доносившийся с мощенной булыжником Хай-стрит ровный цокот подков.

Крики стали громче, толпа расступилась, чтобы дать дорогу всаднику, которого я по-прежнему не видела. Сквозь мое отчаяние пробился чуть заметный ручеек совершенно необоснованной надежды. Что, если Джейми вернулся раньше? Вдруг герцог стал чересчур рьяно его помогать или оленей в лесу оказалось мало... Чтобы увидеть всадника, я даже приподнялась на цыпочки.

Передние ряды зрителей с трудом раздвинулись, и между плотно прижатыми друг к другу плечами просунул длинную морду крупный гнедой конь. Под удивленными взорами собравшихся, в том числе моим, с седла быстро спрыгнула тощая фигура – прискакал Нед Гоуэн.

Сильно озадаченный Джефф уставился на худощавого невысокого человека.

– Кто вы такой, сэръ?

Вежливость судьи, очевидно, стала вынужденным следствием наряда пришельца – серебряных пряжек на обуви и бархатного кафтана: служба главе клана Маккензи имела свои привилегии.

– Меня зовут Эдвард Гоуэн, ваше лордство, – отчеканил Нед. – Я адвокат.

Матт ссутулился и поерзал: стул, на котором он сидел, не имел высокой спинки, поэтому высокому судье нужно было держать напряженную позу. Я от всего сердца пожелала ему ущемления нерва в поясничном отделе позвоночника – раз меня намерены отправить на костер из-за дурного глаза, пускай этот глаз причинит хотя бы такое зло и я буду частично отомщена.

– Адвокат? – вновь спросил судья. – Что привело вас сюда?

Нед Гоуэн склонил голову в седом парике, изобразив наиболее церемонный официальный поклон.

– Я прибыл, чтобы оказать мои скромные услуги по защите миссис Фрэзер, ваше лордство, – сказал юрист. – Чтобы защитить прекрасную леди, которую я лично знаю как добрую целительницу, всегда готовую прийти на помощь и прекрасно осведомленную в том, как осуществлять такую помощь.

«Весьма неплохо, – довольно подумала я. – Вот и очко в нашу пользу». На губах Гейлис я заметила то ли восторженную, то ли насмешливую улыбку. Неда трудно было счесть королем красоты, но в ту минуту я бы не стала придирается к внешности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.